Погоский

Солдатский
Быт

СОЛДАТСКІЙ БЫТЪ
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

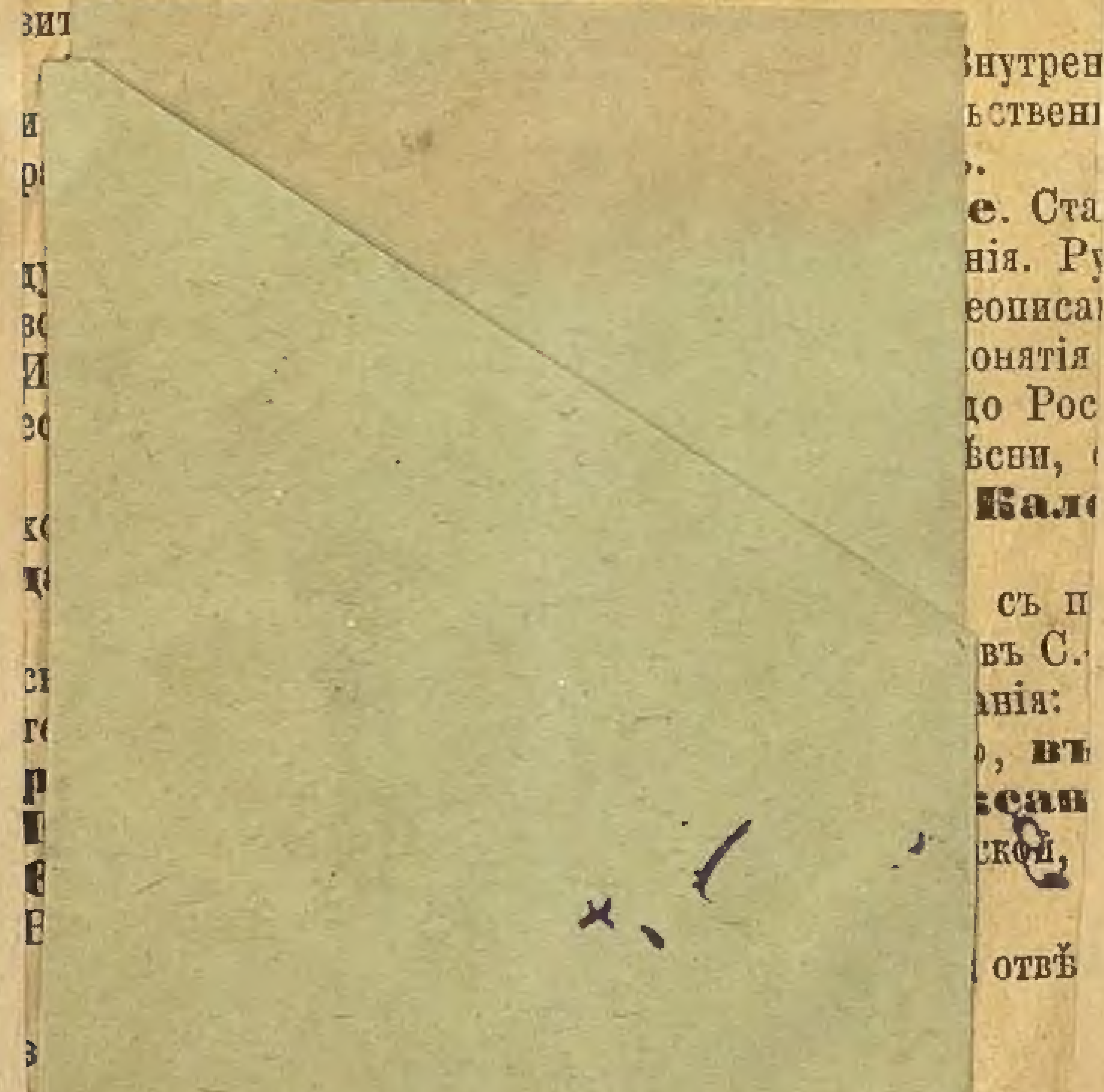
А. Погоскаго.

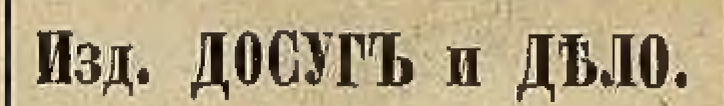
Изданіе 2-е пополненное.

1872.

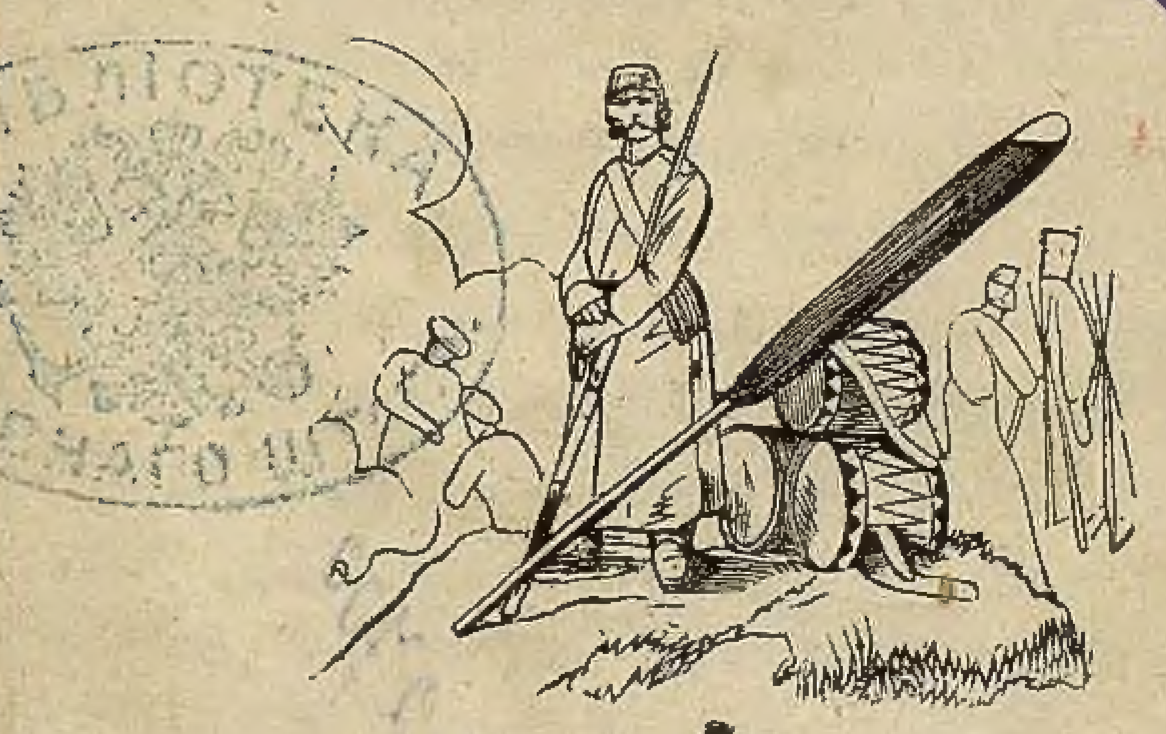

Изд. ДОСУГЪ и ДѢЛО.

СОЛДАТСКІЙ БЫТЪ

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

А. Погоскаго.

Изданіе 2-е пополненное.

1872.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 7-го Мая 1872 года.

СОЛДАТСКІЙ БЫТЪ

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

«Не нами свѣтъ начался—не нами и кончится». Все на свѣтѣ прежде насъ было. А что и какъ было—о томъ у каждаго человѣка, въ каждой семьѣ, въ каждомъ званіи и состояніи есть свои воспоминанія.

У людей необразованныхъ, безграмотныхъ такія воспоминанія передаются словесно: отъ дѣдовъ, отцамъ и внукамъ—въ разсказахъ, а иногда и въ пѣсняхъ. У образованныхъ же людей, все что стоитъ памяти записывается обстоятельно въ книги.

Грамотный человѣкъ, хотя и не есть еще образованный, но онъ уже имѣетъ начало образованія—ему и книги въ руки.

Въ этой книжкѣ вспоминается прежній солдатскій бытъ и прежняя солдатская служба. Въ последнее время на Руси произошли такія коренныя перемѣны, которыя совсѣмъ измѣнили и бытъ народа и службу солдата.—Здѣсь сравниваются два быта—прежній и нынѣшній.

I.

Поступленіе на службу.

Кто изъ насъ не помнитъ прежней «рекрутчины»? И не очень давней—лѣтъ десять, много пятнадцать тому назадъ.

По селамъ и деревнямъ пронесется, бывало, вѣсть, о наборѣ—и всѣ носы повѣсятъ. Въ семьяхъ, гдѣ были взрослые сыновья, почти невысыхали слезы: матери и жены оплакивали своихъ родныхъ. «Трояки и двояки» приготовлялись къ сдачѣ. Сирота или бобыль какой нибудь, хоть и самъ-одинъ, не былъ увѣренъ, что его невозмутъ: неровенъ—часъ—сдадутъ міромъ. Богатые люди еще могли иногда откупаться кой-какъ, разными неправдами; а бѣднымъ и способу не было. Не диво, что люди завидовали той семьѣ, гдѣ были только малолѣтки или неспособные по какому нибудь тѣлесному недостатку. И уродство иногда считалось за счастье.

Нерѣдко молодые люди скрывались и бѣгали отъ рекрутчины. Были и такіе что портили себя: вытравляли глазъ, отрубали палецъ. Сельское начальство должно было караулить парней, назначенныхъ къ сдачѣ. При этомъ иногда необходилось дѣло безъ колодокъ и даже кандаловъ.

Конечно, многіе покорялись своей участи честно и терпѣливо, но горевали всѣ. Бывало, подойдетъ

день—везти рекрутовъ въ уѣздъ, въ присутствіе, такъ вой стоитъ на улицѣ, плачъ въ избѣ. Кому и дѣла нѣтъ до набора и тотъ горюетъ, на людей глядя.

А тутъ еще случится — постояльцы-солдатики съ ученья идутъ: какъ неподдразнить бабъ? И заводитъ разбойникъ-запѣвало горькую пѣсню, съ плаксивой припѣвочкой:

«Что подъ солнышкомъ трава—
То солдатска голова.!
Ай бабушка! Макарьевна!
Не изъ чести, не изъ платы
Не пойдетъ мужикъ въ солдаты!
Ай тетушка! Захарьевна!
Пальцы рубитъ, зубы рветъ—
Въ службу Царскую нейдетъ!
Охъ кумушка, Сысоевна!
Всей деревней заревутъ:
Ваньку въ рекруты сдаютъ!
Охъ сватьюшка, разбоевна!
Ты прости, желанный Ваня:
Вотъ ужо-те будетъ баня!
Ай родная, Прокофьевна!
Ай выручи—полштофьевна!

А бабы-то пуще надрываются, голосятъ да причитаютъ. Просто—бѣда!

Но, братцы,—кому смѣшно, а кому и до-сердца дошло!.. Повезли сердечнаго Ваню, слезами обливаючись!

Привезли въ уѣздъ; повели въ присутствіе. Родители да сродники ждутъ на улицѣ, слезно молятся: авось Господь помилуетъ—затылокъ сыну забрѣютъ! А сынъ бѣдняга передъ пріемщиками, какъ листъ дрожитъ; раздѣли его до-нага и давай осматривать, какъ бычка на ярмаркѣ. Корчится

онъ жалуется на болѣсти люты; все вретъ, разумѣется—становятъ въ мѣру... Лобъ!

— Садись, распочтенный! приглашаетъ цирульникъ; а на улицѣ такъ и залились — зарыдали: лобъ брѣютъ! Да еще какъ брѣютъ: не дай на водку, господину цирюльнику, такъ небо съ овчинку покажется.

Другому выпадетъ счастье: затылокъ! Оскоблютъ его на скорую руку. Боже сохрани если даромъ. Полголовы оголятъ тупицею, а смажь—только для знака т. е. чуть-чуть острою бритвою погладятъ. Какъ вырвется онъ, какъ стреконетъ изъ присутствія,—и сорочку иногда забудетъ, да такъ и полетѣлъ птицей безперой черезъ весь городъ—и стыда ему нѣтъ! И всѣ глѣдятъ на него съ завистью и наготы его не замѣчаютъ. Схвативши въ охапку доспѣхи его, бѣгомъ бѣжитъ за нимъ жена молодая — и старуха мать, крестясь, иногда съ внучонкомъ на рукахъ, то же припустила въ притрусочку: на радостяхъ и лѣта свои забыла...

Соберутъ потомъ всѣхъ горе-богатырей бритыхъ, съ полумѣсяцемъ на башкѣ,—въ казарму, а чаще всего—въ острогъ; нарядятъ каждаго волкомъ сѣрымъ: и шапка, и шинель, и пуговицы и даже сапоги нечищенные—все на немъ сѣрое. Выстроютъ въ три шеренги; конвой спереди, сзади, по бокамъ—и маршъ въ походъ!

Тутъ опять прощанью, рыданью, поклонамъ земнымъ—и числа нѣтъ.

— Пошелъ, пошелъ! неотставай! кричатъ старики конвойные; а другой оглохъ совсѣмъ — хоть на

немъ прикладъ ломай: какъ обнялся съ жонкой или съ матерью родной, такъ и не разнимешь ихъ.

И не мудрено: для большей части изъ нихъ это были послѣднія объятья, послѣднее прощанье и послѣднія смѣшавшіеся вмѣстѣ слезы. Имъ не предстояло свиданья, можетъ быть, навѣки. Въ двадцать пять лѣтъ—что будетъ?...

Ушли, наконецъ.,. далеко ушли, и неизвѣстно куда. За ними остались скорбно-сидящія на дорогѣ, или обомлѣлыя матери, жоны и горько плачущія дѣти. Они долго сидятъ тутъ и плачутъ.

Таково было всеобщее горе.

Конечно, очень многіе понимали, что рекрутская повинность неизбѣжна и необходима для блага самаго же народа—и отбывали эту повинность безропотно и даже усердно. Но каждый наборъ повторялись эти слезы и рыданія—и народъ привыкъ считать рекрутчину великимъ горемъ.

И если бы кто жилъ сто лѣтъ, и во всю свою жизнь только и сдѣлалъ добра, что отмѣнилъ это горе, осушилъ эти слезы и больше ничего бы весь свой вѣкъ не сдѣлалъ, — то и тогда народъ повѣкъ помнилъ бы и благословилъ бы его любезное имя. Слезы матерей, жонъ, дѣтей — вѣдь они не напрасныя и въ-чужѣ горькія слезы.

Сравните же съ этой бѣдой нынѣшнюю рекрутчину. Вспомните, какъ вы сами шли на службу, или спросите младшихъ товарищей вашихъ, какъ они поступали въ рекрута. И что такое нынѣшній рекрутъ?

Попрощается онъ съ семьей — не диво если и

взгруснетъ маленько, если всплакопутъ и родные: на заработки идетъ парень изъ семьи, на короткій срокъ — отъ Покрова до Егорья, отъ вѣшняго Николы до Казанской — и то, прощаючись слезу прольетъ. А тутъ званіе свое мѣняешь, на долгой срокъ прощаешься: еще бы не взгруснуть. Но это грусть тихая, легкая, не безнадежная.

Пріѣхалъ въ уѣздъ, въ присутствіе. Осматриваютъ тебя чинно, безъ всякаго обнаженія и по всей справедливости: съ начальствомъ вмѣстѣ твой же братъ крестьянинъ въ присутствіи засѣдаетъ,— не вѣришь начальству по глупости, повѣришь своему брату по привычкѣ. Годенъ ты на службу: скажутъ тебѣ, что годенъ — и все тутъ. Лба не брѣютъ а даже кудрей твоихъ не касаются. И препровождаютъ тебя, въ твоей же одеждѣ, въ резервный батальонъ—недалеко, а иногда и очень близко отъ твоей родины, отъ твоего села. Угодно сродникамъ—и они провожаютъ тебя; запрету нѣтъ. Тамъ шьютъ тебѣ мундиръ, не рекрутскій, а прямо солдатскій, даютъ сапоги — одѣваютъ и обуваютъ какъ слѣдуетъ солдату и ты съ перваго дня уже не «лоботрясъ, не мякинникъ да овсяникъ» а прямо—младшій товарищъ солдата, значитъ самъ солдатъ пока еще—резервнаго батальона.

Такихъ батальоновъ—для пріема, обмундированія и первоначальнаго образованія рекрутовъ сформировано по разнымъ губерніямъ: для пѣхоты 82 резервныхъ (72 пѣхотныхъ и 10 стрѣлковыхъ). Для кавалеріи: 56 резервныхъ эскадроновъ, кромѣ 8 гвардейскихъ, состоящихъ при полкахъ. Для

артиллеріи: 12 пѣшихъ и 4 конныхъ батарей. Для инженерныхъ войскъ: 4 резервныхъ саперныхъ батальона. Кадры этихъ частей состоятъ изъ старослужащихъ самыхъ благонадежныхъ людей—учителей, инструкторовъ и мастеровыхъ; дѣйствительно—мастеровъ своего дѣла. Тутъ есть и отказавшіеся отъ отставки или безсрочнаго отпуска, и кандидаты, твердые по фронту. И почти всѣ они сами тѣхъ же губерній, въ которыхъ находится батальонъ; слѣдовательно — земляки поступающимъ туда рекрутамъ.

Тутъ иногда въ нѣсколькихъ верстахъ или десяткахъ верстъ отъ своего пепелища, остаешься ты на службѣ полгода.—Въ старину въ «дядьки» выбирались люди строгіе, суровые; а теперь только добрые и ласковые люди назначаются «дядьками.» Исподоволь, мягко, искусно и скоро подготовляетъ онъ рекрута—и неуслышишь, какъ выйдетъ изъ тебя бравый солдатъ. И будь ты даже маленько телепень отъ природы—незапугаютъ тебя, а подтянутъ очень учтиво.

Здѣсь полгода навѣщаютъ тебя или товарищей твоихъ, сродники и вѣсточка о тебѣ есть дома каждый мѣсяцъ. — И вѣсточка такая, что непремѣнно утѣшитъ и успокоитъ и мать и отца твоего, потому что всѣ видятъ, что немногимъ тебѣ хуже на службѣ чѣмъ было дома, а очень часто—и гораздо лучше домашняго.

Гораздо лучше потому, что ты нетолько сытъ, одѣтъ, обутъ, но и здоровьемъ твоимъ занимаются, и учатъ тебя грамотѣ. А главное — черезъ какихъ

нибудь 8, а много 10 лѣтъ ты возвратишься домой, конечно здоровѣе и умнѣе чѣмъ ушолъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и теперь понимаютъ нѣкоторые, а современемъ поймутъ всѣ безъ изъятія, что служба Богу, царю и отечеству есть священный долгъ каждаго гражданина. — Что какъ сынъ за отца и матерь, такъ и ты за царя и отечество долженъ нести на службу труды твои и здоровье твое. Какую же благодарность и любовь ты долженъ чувствовать къ тѣмъ, которые облегчили труды твои и сохранили и даже укрѣпили на службѣ твое здоровье? — И вѣрьте, братцы, не теперь, такъ подъ старость — живо почувствуемъ мы все что для насъ сдѣлалъ милосердный царь и любезное отечество.

Между прочимъ, вотъ какія облегченія и удобства доставлены рекруту и его сродникамъ при сдачѣ его:

Дозволена замѣна рекрута охотникомъ—во всякое время; хотя бы рекрутъ находился уже въ полку на службѣ. Охотникъ допускается и изъ другаго общества, и даже другой губерніи.

Во всякое время и во всякіе сроки дозволяется замѣнять рекрута «зачетною рекрутской квитанціей.» И дозволена свободная продажа квитанцій.

Освобожденъ отъ рекрутства единственный или старшій сынъ. солдата.

Освобождены отъ призыва къ жребію старшіе изъ малолѣтнихъ сиротъ, неимѣющіе ни отца ни матери; также единственные у родителей сыновья работники.

Уменьшено на половину требованіе числа подставныхъ.

Разрѣшены отсрочки для явки очередныхъ въ мѣста набора.

Облегчено свидѣтельствованіе неспособныхъ.

Отмѣнено—за весьма малымъ исключеніемъ—рекрутское обмундированіе.

Установлены наградныя деньги рекрутамъ отъ общества.

Всѣ податныя сословія нынѣ освобождены отъ употребленія гербовой бумаги, какъ при сдачѣ рекрута по набору, такъ и при всякой перепискѣ съ присутственными мѣстами по рекрутскимъ дѣламъ. А прежде приходилось порядкомъ поистрачиваться на это дѣло.

Наконецъ, при самой сдачѣ совершенно уничтожены всѣ приношенія, подарочки, подмазыванія да подмасливанія, словомъ—взятки. А прежде....Ну да Богъ проститъ за то что было прежде: было-прошло и быльемъ поросло!

Насколько именно всѣми этими льготами облегченно дѣло сдатчика рекрута — можетъ сказать только тотъ, кто сдавалъ рекрута прежде и другой разъ—нынѣ. Такіе есть.

На сколько именно противъ прежняго улучшена участь рекрута—безошибочно могъ бы сказать тотъ, кто самъ поступалъ рекрутомъ на службу два раза—прежде и теперь. Такихъ нѣтъ.

Насколько противъ прежняго успокоилось и утѣшилось сердце отца—матери за сына своего, идущаго на службу—могутъ вѣрно судить родители,

которымъ приводилось сдавать сыновей прежде и теперь. И такихъ есть не мало.

Но, собирать такія свѣдѣнія и трудно и безполезно; а потому они и остаются неизвѣстны. А вотъ что достовѣрно и доподлинно извѣстно всѣмъ старослужащимъ.

Въ прежнее—и все-таки недавнее—время почти всѣмъ рекрутамъ, черезъ три-четыре мѣсяца по поступленіи ихъ на службу, приходилось перешивать мундиры: они дѣлались широки до безобразія; оттого, разумѣется, что горе-богатыри лоботрясы сильно худѣли.

Нынче повсемѣстно жалуются такъ же, что черезъ три-четыре мѣсяца почти всѣмъ тоже приходится перешивать мундиры; ибо насилу его напялишь на человѣка иногда. Вѣроятно это не оттого, чтобы мундиръ ссѣлся—такого грѣха никогда не замѣчалось. А по всѣмъ признакамъ оттого, что господа рекрута иные довольно проворно толстѣютъ.

Ну, и дай Богъ во здравіе! въ укоръ этаго ставить нельзя. Какъ прежніе рекрута худѣли не отъ роскоши, такъ и нынѣшніе толстѣютъ конечно не отъ печали.—Что-жъ, примѣта хорошая; и впредь вамъ того-же желаемъ.

II.

Упраздненіе кантонистовъ и военныхъ поселеній.

Въ прежнее время для облегченія народу тяжкой рекрутской повинности, правительство постановило, чтобы „солдатскія дѣти, прижитыя на службѣ, зачислялись въ кантонисты.“—Кантонисты изъ школъ и баталіоновъ поступали прямо на службу; слѣдовательно ихъ дѣти поступали тоже въ кантонисты и потомъ опять на службу.

Такимъ образомъ—кто изъ крестьянъ попалъ въ солдаты, тотъ уже оставлялъ на службѣ „все свое потомство“ на вѣки вѣчные.—Родоначальникъ этого солдатскаго потомства, то есть первый солдатъ изъ крестьянъ, по окончаніи своей службы, выходилъ въ отставку и доживалъ свой вѣкъ сиротой: если у него и были сыновья, то всѣ они—солдаты; опоры на старость ему не было.

Но все-таки постановленіе это избавляло даже нѣсколько сотъ тысячъ душъ народа отъ тяжкаго, потому времени, рекрутства.—А при двадцатипяти лѣтнемъ срокѣ—солдатской службы трудно было и пристроить солдатскихъ дѣтей иначе.

Положеніе кантонистовъ было, разумѣется, очень незавидное: во первыхъ, всѣ они прозывались въ народѣ — быль молодцу не укора—„ребята штыковой работы“,—и дѣйствительно, были порядоч-

ные обоеши и выжиги.—Съ самаго нѣжнаго дѣтства, воспитанные въ казармахъ, почти всегда отдѣльно отъ отца и матери, они не видѣли въ жизни ни ласки родительской, ни радостей семейныхъ, которыя испытываетъ и вѣчно помнитъ ребенокъ хотя бы самой бѣдной семьи.

За то по части проворства, ловкости и всякаго пронидошества это были претеплые ребята. Смѣтливость и зоркость—орлиная. Язычище вырабатывался у нихъ — что ножъ вострый: наврать, оцыганить, обморочить человѣка—первые мастера. — А въ рукахъ такое проворство — что твоя музыка.

Разумѣется и изъ кантонистовъ выходили иногда отличные полезные люди—тѣмъ больше чести ихъ достоинству; но вообще нельзя было и требовать, чтобы воспитанные съ дѣтства безъ матерей; безъ добраго семейнаго примѣра—они были бы хорошей нравственности. Поневолѣ ребята были плутоватые.

Плачетъ, напримѣръ, другой пузырь 6-ти 7-ми лѣтъ, въ солдатской шинелишкѣ; встрѣтитъ его купецъ или крестьянинъ жалостливый: „чего ты плачешь, дитятко солдатское?“ спрашиваетъ.

„Да вотъ дяденька, я сирота—спина у меня чешется, самъ недостану, а почесать некому!“ рюмитъ плутишка.

Эка, бѣда! ну подь-ко-сь, я почешу тебѣ!“ и почешетъ добрый человѣкъ спинку сиротинкѣ.

„Спасибо, дяденька!“ побѣжалъ мальчуга очень радостно. Улыбается глядя въ слѣдъ добрый дя-

денька.—Хвать въ карманъ: а тамъ и кошелька нѣтъ! „Вотъ такъ почесалъ! ахъ ты разбойникъ, сорванецъ-мальчишка.“

А какъ выростетъ, бывало, этотъ сорванецъ, такъ онъ тебѣ на мiру человѣка разуетъ—неуслышитъ. Такая ловкость.

И ловкость эта вносила въ солдатскiй бытъ больше разврата нежели пользы для службы. Правда,—унтеръ-офицеры по фронту отличные, какъ сказано будетъ, выходили изъ учебныхъ карабинерныхъ полковъ, пополнявшихся все больше кантонистами. Были изъ нихъ фельдфебеля дѣльные. Но за тѣмъ—сотни тысячь дѣтей, можно сказать, погибало для человѣчества.

1856 года, въ день Рождества Христова, вышелъ незабвенный для всѣхъ родителей и добрыхъ людей, царскiй указъ: „Повелѣно освободить всѣхъ солдатскихъ и матроскихъ дѣтей отъ обязанности вѣчной послуги государству и обратить ихъ въ свободныя податныя сословiя.“

До 400 тысячь дѣтей, числившихся въ кантонистахъ, въ этотъ день получили право вернуться къ семействамъ своимъ и располагать своею судьбою по своей волѣ. Святой праздникъ Рождества Христова ознаменовался по всей Россiи—*возрожденiемъ* многихъ тысячь бѣдныхъ дѣтей.

Читая манифесты о прощенiи виновныхъ, добрый человѣкъ неудержится отъ вздоха благодарности за это милосердiе. — Какимъ же украшенiемъ отечественной исторiи будетъ это великодушное призванiе къ полноправной жизни этихъ

сотенъ тысячъ бѣдныхъ и невинныхъ дѣтей?—Любезна та книга, въ которой есть такія прекрасныя страницы: на нихъ прольется не одна горячая слеза душевной благодарности Виновнику этого счастія.

Отнынѣ на Руси нѣтъ этихъ безвинно-осужденныхъ съ дѣтства на вѣчную и горькую долю безродности. И это не все,—освободивъ солдатскихъ дѣтей, правительство не покинуло ихъ: по прежнему оставлено малолѣтнимъ казенное продовольствіе пайкомъ въ двухъ различныхъ размѣрахъ, смотря по возрасту.

А вмѣсто батальоновъ кантонистовъ учреждены „училища военнаго вѣдомства,“ въ эти училища дѣти поступаютъ добровольно, по желанію родителей, и притомъ не моложе 12-ти и не старше 16-ти лѣтъ. То есть въ такомъ именно возрастѣ, когда настаетъ уже пора готовиться къ труду и получить твердое начальное образованіе.

Въ прошедшемъ году училища военнаго вѣдомства преобразованы въ „Начальныя военныя школы“ и усовершенствованы во всѣхъ отношеніяхъ, Солдатскія дѣти поступаютъ туда на полное попеченіе правительства, вмѣстѣ съ дѣтьми бѣдныхъ дворянъ и чиновниковъ. Въ войскахъ гвардіи, при всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ, учреждены „школы для солдатскихъ дѣтей.“—Школы эти содержатся жалованьемъ, которое слѣдуетъ Государю и Великимъ князьямъ, какъ Шефамъ полковъ и баталіоновъ.

Изъ всего этого видимъ, что судьба дѣтей сол-

датскихъ обезпечена основательно и даны имъ всѣ средства приготовиться къ прочному и безбѣдному существованію,—для своей и общественной пользы.

Вскорѣ затѣмъ такое же освобожденіе, еще большаго числа трудящихся людей, совершилось по другому вѣдомству.

Для облегченія народу рекрутской повинности и для удобства содержанія нужнаго числа войска, еще при Императорѣ Александрѣ 1-мъ учреждены были „Военныя поселенія.“

Цѣлые уѣзды въ разныхъ губерніяхъ—именно: въ Витебской, Могилевской, Новгородской, Харьковской, Херсонской, Кіевской, Подольской—были обращены изъ крестьянъ въ Военные поселенцы и обязаны были нести службу военную, занимаясь земледѣліемъ. Всѣхъ крестьянъ надѣлили въ достаткѣ землей, выстроили имъ чистыя избы, устроили усадьбы, огороды; провели всюду дороги—словомъ, сдѣлали ихъ полными хозяевами, и поставили надъ ними военное начальство.

Сперва дѣло шло хорошо, хотя не дешево стоило правительству это учрежденіе. Но потомъ исподоволь стало оказываться, что изъ военнаго поселянина не вышло—ни настоящаго солдата, ни настоящаго земледѣльца. Переименованы они были въ „пахатные солдаты,“ исправленъ былъ нѣсколько порядокъ, но разумѣется это не поправило дѣла: народъ началъ бѣднѣть, казнѣ прибытку отъ нихъ никакого не было, а солдаты изъ нихъ были совсѣмъ плохіе.

Цѣль правительства была самая человѣколюби-

*

вая, а на дѣлѣ оказалась неудача. Причина обнаружилась простая: хлѣбопашество и служба—два ремесла различныя и требуютъ совсѣмъ различныхъ правилъ. Военное начальство, разумѣется, старалось соблюсти необходимый для солдатскаго дѣла порядокъ, а этотъ порядокъ иногда былъ въ ущербъ и мѣшалъ земледѣльческимъ работамъ. Попадется, бывало, старый служака—не то что большимъ начальникамъ, а хотя сотскимъ или старостой—и учнетъ наводить свои солдатскіе порядки. Иногда порядки очень хорошіе, да вовсе не подходящіе къ пахотному дѣлу.

Ничего нѣтъ удивительнаго, напримѣръ, что очень почтенный и замѣчательный по фронту служака сильно безпокоился, видя что копны сноповъ стоятъ въ полѣ зря, какъ на смѣхъ—невыровнены. Съ трудомъ терпѣло солдатское сердце, что напримѣръ всходы на двухъ сосѣднихъ полосахъ ростутъ безъ всякаго соображенія: на одной въ четверть вышины, а на другой въ вершокъ; и въ низинахъ густо, а навзгоркѣ плѣшь. Очевидный безпорядокъ,—особенно для человѣка, который иногда и родился въ казармахъ, деревни вѣкъ невидѣлъ.

Многіе не безъ основанія полагали тоже, что солдату—хоть онъ и пахотный—приличнѣе стоять „прямо, непринужденно, каблуки столь плотно сколь можно“ и такъ далѣе. Нѣкоторые, вь усердіи добирались и до бабъ: поговаривали о форменныхъ сарафанахъ.

Всѣ эти и подобныя мелочи мѣшали сельскому дѣлу. А были помѣхи и покрупнѣе: общественныя

запашки, запасные магазины, работы по дорогамъ— все это исполнялось „форменно“ и приводило иногда къ злоупотребленіямъ.

Конецъ концовъ такой, что несостоятельность учрежденія обнаружилась бѣдностью; и начальство и поселяне всѣ были недовольны—всѣмъ была тягота, а толку мало.

Указомъ 5 Апрѣля и 4 Іюня 1857 года, Военныя поселенія упразднены и перешли въ веденіе удѣльнаго управленія. То есть въ чистый крестьянскій бытъ.

До 700 тысячъ душъ народа вздохнуло свободой и радостно благословило новое свое положеніе.

III.

Отмѣна отдачи въ солдаты преступниковъ, по судебнымъ приговорамъ.

«Солдатъ есть имя честное: отъ перваго генерала до послѣдняго рядоваго, всякъ служащій есть солдатъ».

Солдатъ—слуга Богу, царю и отечеству, долженъ быть почтенъ въ обществѣ. Не можетъ быть и нельзя потерпѣть, чтобы человѣкъ, всегда готовый пролить кровь свою и положить жизнь свою въ защиту Вѣры, Престола и Родины, не пользовался бы всегда и вездѣ полнымъ уваженіемъ.

«Кто идетъ?» окликаетъ часовой.

«Солдатъ!» отвѣчаетъ прохожій, все равно— стрекулятникъ и даже бабуся какая нибудь — и проходитъ спокойно, прикрывшись именемъ солдата. Не маленькое же это имя, съ которымъ человѣку всюду вольный, законный проходъ.

Всѣмъ извѣстно, что значитъ: «солдатская душа». Это значитъ—прямая, честная, добрая, какъ у ребенка душа.

«Солдатское слово»—твердое, неизмѣнное, вѣрное, какъ присяга, слово.

«Солдатское спасибо»—искреннее, сердечное, отъ всей души, спасибо.

Отчего же, говоря откровенно, нашему брату

вообще нѣтъ въ обществѣ того почета и уваженія, котораго мы достойны по нашему важному званію, и даже нѣтъ того довѣрія, котораго стоитъ каждый честный человѣкъ?

Какое тутъ довѣріе, когда даже бабы на деревнѣ, заслышавъ барабаны, порютъ горячку и вопятъ безобразно: загони скорѣй куръ да поросятъ!— слышь, солдаты идутъ!» Да еще не скажетъ солдаты, а—курятники, чтобъ ей пусто было.

А повернулся нашъ братъ въ избѣ, вышелъ— ужъ тамъ и озираются: долото или ножъ какой нибудь на мѣстѣ ли? рубаха или передникъ—сушатся ли на пряслахъ, не снесло ли вѣтромъ.

И ворчитъ себѣ подъ-носъ старуха: «Солдатъ-табачникъ самъ по себѣ добрый человѣкъ, да шинель у него шаршавая, зацѣпливая: до чего доткнется, то и пристало къ ней!»—И дѣдъ съ печи словцо прикинетъ: «Солдатъ что ребенокъ маленькій: что подержитъ въ рукахъ, то и занесетъ— пиши пропало!»

Съ чего же такая дурная слава идетъ о нашемъ братѣ? Почему такой поклепъ?

А надо полагать, что несовсѣмъ задаромъ; видно, есть кой-какое основаніе такимъ неблагопріятнымъ слухамъ,..

Что изъ бабьихъ, напримѣръ, сорочекъ и передниковъ выходятъ недурныя портянки и что жареная курица, а тѣмъ паче поросенокъ, имѣетъ непротивный вкусъ—это не секретъ, это каждый дуракъ понимаетъ. Но надобно разсмотрѣть, какъ

изъ-за нѣсколькихъ шалуновъ и негодяевъ цѣлое сословіе теряетъ добрую славу.

«Шелудивая овца все стадо портитъ», говоритъ пословица; она же и объясняетъ—какимъ путемъ внесены въ армію шалости, пороки и развратъ, который ославилъ насъ передъ обществомъ.

Армію всегда составляли честные солдаты, дѣти трудящихся крестьянъ, честныхъ людей. Но вотъ попался подъ судъ пойманный бродяга, сказывается непомнящимъ родства. Куда его дѣвать? На исправленіе—въ солдаты. Дѣйствительно, человѣкъ молодой: зачѣмъ пропадать ему? авось поправится между честными людьми!

Отъ грубіяна, вора и мошенника сельское или мѣщанское общество не знаетъ—какъ избавиться: міромъ сдаютъ его въ солдаты. Идетъ и то: отъ грубости да воровства отучимъ, а можетъ быть онъ человѣкъ храбрый—давай его!

У помѣщика дворовый-негодяй проворовался, измалился, спился съ кругу: безъ-зачета въ солдаты его. Даромъ—отчего и дрянь не взять?

Однако такимъ нехорошимъ манеромъ, въ войскѣ, промежъ честныхъ людей, набралось разной сволочи порядочное количество: больше, чѣмъ надобно. И эти порочные люди, вмѣсто того, чтобы самимъ исправиться, стали сбивать молодежъ, портить нетвердыхъ людей, подговаривать ихъ на шалости и проступки. Кончилось тѣмъ, что сами не исправились, другихъ развратили и на все войско положили худую славу.

Разъ попали всѣ мы въ такое положеніе — изъ

него и выхода нѣтъ. Проступки: пьянство, воровство, ослушаніе, грубость—стали не въ рѣдкость. Завелась скрытность противъ начальства, обманъ противъ товарищей. Наказанія становились все чаще и сильнѣе. Въ страхѣ наказаній начался побѣги. И понятно, что дошло наконецъ до того, что солдатъ извѣрился и званіе солдатское потеряло уваженіе въ обществѣ.

Съ превеликимъ трудомъ и самоотверженіемъ старые, честные, коренные солдаты выносили на себѣ обидное пренебреженіе; своимъ собственнымъ достоинствомъ поддерживали славу арміи, своею личною доблестью спасали честь солдатскую.

Случалось такъ, что идетъ по пересылкѣ дуракъ, пойманный рекрутъ бѣглый, объ-руку съ закоснѣлымъ бродягой и преступникомъ. И уговоритъ да упроситъ бродяга дурачка-рекрута помѣняться съ нимъ именемъ и, какъ сдадутъ ихъ въ острогъ, отозваться за него на перекличкѣ. Прикинетъ ему за это пять-шесть рублевъ, добытыхъ воровствомъ и разбоемъ... И помѣняются. Опредѣляютъ бродягу-каторжника, наказавши какъ рекрута, опять на службу въ полкъ; а несчастный дурачекъ пошелъ въ Сибирь—руду копать. И этакой человѣкъ, то-есть каторжникъ, въ полку опять натворитъ бѣдъ разныхъ, бѣжитъ и въ побѣгѣ еще накромѣшничаетъ; а какъ поймаютъ, да поставятъ въ допросъ: пошолъ путать да облыжничать... и всегда оболжетъ честнаго человѣка. Онъ, разумѣется, былъ ему первый врагъ.

Было бы невѣроятно, какъ Господь терпѣлъ грѣхи

наши и еще даровалъ войску славныя побѣды и торжество надъ врагами. Но были въ войскѣ и такіе люди, которыхъ доблесть выкупала грѣхи товарищей.

Господа! я самъ старый солдатъ: избави Богъ сказать неправду передъ вами. Во фронтѣ, рядомъ со мной стаивали бѣдовые мошенники; и рядомъ же я имѣлъ честь стоять съ такими почтенными людьми, что нѣту словъ похвалы и благодарности имъ. Они и не нуждались въ похвалахъ. Молча, тайно и безвѣстно дѣлали они вмалѣ свое великое и святое дѣло: какъ свѣтильникъ подъ вѣтромъ—сберегли и спасали они отъ поруганія солдатскую честь... Сами не зная своей заслуги, они были истинно христолюбивыми воинами.

Сказано: за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ.... и заслуги этихъ почтенныхъ людей не пропали.

«Въ 1859 году Высочайшимъ указомъ отмѣнена отдача въ солдаты во всѣхъ случаяхъ, которые, свидѣтельствуя о развратности виноватаго и отсутствіи въ немъ чувства чести, заслуживаютъ справедливаго позора и униженія».

Ничего не можетъ быть справедливѣе этого мудраго узаконенія. Конечно, никого нельзя осуждать на вѣчный позоръ: и закоснѣлаго преступника неисправимымъ нельзя считать. Христосъ на крестѣ простилъ и разбойника. Но постоянное пребываніе нераскаянныхъ негодяевъ въ обществѣ честныхъ людей непремѣнно вредно обществу.

Больныхъ прилипчивыми болѣзнями, чесоточ-

ныхъ, горячечныхъ, холерныхъ отдѣляютъ особенно, чтобы они не заражали другихъ. А нѣтъ болѣзни заразительнѣе, какъ нравственная порча и негодность: воровство, пьянство, ложь. Это такая нравственная чесотка, которой долженъ избѣгать каждый чистый человѣкъ.

Для того, чтобы выдѣлить изъ дѣйствующаго войска всѣхъ неблагонадежныхъ, учреждены теперь «*Рабочія бригады*», куда и переводятся штрафованные изъ арміи. Люди эти занимаются нынѣ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и имъ даны всѣ средства къ исправленію своихъ провинностей.

«*Внутреняя стража*» прежде была наполнена людьми переведенными изъ арміи по неблагонадежности; а на ней лежитъ высокая обязанность— охранять внутренній порядокъ и спокойствіе государства. Въ учрежденныхъ вновь «*Губернскихъ батальонахъ*» и «*Мѣстныхъ командахъ*» недопускается вовсе штрафованныхъ людей.

Наконецъ, для исправленія тѣхъ штрафованныхъ, которые не подаютъ надежды къ исправленію служа во фронтѣ,—будутъ учреждены «*Дисциплинарныя команды*». Тамъ займутся обученіемъ ихъ разнымъ мастерствамъ, подъ усиленнымъ надзоромъ твердыхъ и благонадежныхъ людей.

Уже изъ этого видно, что правительство съ своей стороны сдѣлало все, что можно, для охраненія нравственности войска отъ порчи и развращенія на службѣ. Дальше мы увидимъ, какія средства усовершенствованія нравственности и умственныхъ

способностей даны служащему солдату. Но пока остановимся на этомъ и сообразимъ кое-что:

Прежде—большая часть порочныхъ и впавшихъ въ проступки солдатъ имѣла, если и не оправданіе, то хоть отговорку: меня-молъ подговорилъ такой-то извѣстный негодяй, соблазнилъ и завлекъ меня!» И это была правда: можно было допросить негодяя. Спрашивается: какое извиненіе теперь представитъ проступившійся солдатъ? „Чортъ дернулъ»! что-ли? — Пожалуй, и это правда, только чорта допрашивать не станутъ, а о томъ — куда именно дернулъ этотъ поганый господинъ, справятся прямо въ «*Уставѣ дисциплинарныхъ взысканій*», да такъ и поступятъ съ виноватымъ, какъ тамъ сказано. А тамъ сказано вѣрно: «всякая вина виновата». Самъ виноватый и отвѣчай за нее.

На томъ, братцы, стоитъ справедливость. А справедливость—есть первое благо и спокойствіе всѣхъ честныхъ, трудящихся людей на свѣтѣ.

IV.

Сроки службы.

Со времени учрежденія регулярной русской арміи, то-есть отъ Петра Великаго, срокъ солдатской службы полагался неизмѣнно 25 лѣтъ.

Средній возрастъ большинства прежнихъ рекрутъ можно считать отъ 25 до 30 лѣтъ; значитъ прослужившій безпорочно свои года солдатъ получалъ чистую отставку, имѣя 50—55 лѣтъ отъ роду. Но брали на службу не мало людей 40-ка, а иногда и 45-ти лѣтъ: такіе кончали безпорочную службу, имѣя 65 и даже 70 лѣтъ за плечами.

Порядочная часть всего числа служащихъ, по разнымъ штрафамъ, вмѣсто 25 лѣтъ, служила 35-ть и болѣе того; а нѣкоторые и вовсе безъ срока. Сверхъ того, весьма многіе и умирали на долговременной службѣ.

Затѣмъ, какая именно часть всего числа поступавшихъ на службу получала чистую отставку—опредѣлить очень трудно; извѣстно только, что часть небольшая. А такъ какъ изъ этой небольшой части отставныхъ солдатъ, весьма многіе оставались по дряхлости своей и отдаленности родины въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и губерніяхъ, гдѣ застала ихъ отставка,—то еще труднѣе вѣрно сказать: сколько возвращалось на родину изъ всѣхъ сданныхъ въ солдаты?

Извѣстно только то, что напримѣръ въ немаленькой деревнѣ, въ которой въ теченіи 30 или 40 лѣтъ ушло въ службу чуть не по человѣку со двора—въ такой деревнѣ проживало много что двa-три отставные драбанта. Медалей разныхъ, даже шестиугольныхъ, и крестовъ у нихъ—полна грудь, за то иногда ноги или руки недостаетъ; а если весь цѣлъ, то разумѣется и бревномъ не убьешь его—человѣкъ желѣзный, закаленный. Въ такой деревнѣ всегда имѣлось еще съ десятокъ или около того, солдатокъ, да рекрутокъ древнихъ, обитающихъ обыкновенно въ концахъ деревни—при ярахъ и буеракахъ. Лачуги ихнія по большей части имѣли видъ погорѣлой бани, или бурей скинутаго съ древа вороньяго гнѣзда. Онѣ тоже свидѣтельствовали отчасти—сколько ушло народу въ солдаты и сколько вернулось на родину.

Почтенные драбанты-кавалеры эти проживали не всегда у родни: ибо возвратясь со службы, иногда не заставали на родинѣ ни единаго сродника—всѣ поумирали. А пристроивались они съ костылями своими, гдѣ выпадетъ: послужитъ счастье—лѣсникомъ гдѣ нибудь, или по кавалеріи—объѣздчикомъ; а не то, у благодушнаго и любящаго разсказы про сраженія пономаря, звонаря или просвирни старой; или у требующаго военной силы для усмиренія неспокойныхъ во хмѣлю гостей, господина цѣловальника, иногда на стражѣ при какомъ нибудь необитаемомъ и пустынномъ зданіи, въ родѣ казеннаго запаснаго магазина. А по большей части—пріобрѣталъ кавалеръ почтенный

суковатый костыль, да щенка косматаго и, странствуя по окрестностямъ, сживался съ ними по гробъ недалекій....

Въ этомъ-то безпомощномъ одиночествѣ, въ удрученіи древностію и ранами, приходилось ему отстаивать передъ непочтительнымъ обществомъ свою «солдатскую честь». И отстаивалъ онъ ее такъ же геройски, какъ отстаивалъ когда-то грудью и кровью своею всегда любезную его честному сердцу—родину. Въ ветхой шинелишкѣ, съ костылемъ своимъ, сѣдой, мрачный, суровый—одиночествовалъ онъ и хороводился только съ дѣтьми глупенькими; только они радостно встрѣчали его, любили его сказки, его костыль и его вѣрнаго пса.

Вотъ причина, по которой рекрутскій наборъ наводилъ встарину переполохъ на деревни и сёла. Всякій видѣлъ участь солдата и прощался съ своимъ идущимъ на службу сродникомъ—безнадежно.

Но долгій срокъ службы былъ необходимъ прежде по важнымъ причинамъ: во-первыхъ, существовало крѣпостное право. При короткомъ срокѣ службы рекрутчина должна быть чаще, а помѣщику выгоднѣе было разъ-на-всегда лишиться работника, нежели часто отдавать способныхъ людей на службу, послѣ которой они освобождаются отъ крѣпостной зависимости. Это надо было принимать во вниманіе.

Во-вторыхъ, при требованіяхъ старой службы, рекрутъ едва въ годъ, а иногда въ два становился во фронтъ и считался солдатомъ. Только нашивка давала право на имя стараго солдата.

Нельзя было и приготовить твердой арміи въ короткій срокъ; а приготовивъ, пришлось бы вскорѣ и распускать ее. 25 лѣтъ службы—были необходимы. Но времена перемѣнились, крѣпостное право уничтожилось и вотъ:

Въ 1859 году Высочайшимъ указомъ сокращенъ срокъ службы—вмѣсто 25 лѣтъ на 15; въ числѣ этихъ 15 лѣтъ—три года безсрочнаго отпуска; такъ что дѣйствительной службы остается солдату 12 лѣтъ. Притомъ же втеченіи этихъ 12 лѣтъ солдатъ можетъ пользоваться »временными отпусками» *на неопредѣленное время*, и время это еще зачитается ему въ дѣйствительную службу. Затѣмъ—доброму, нештрафованному солдату приходится отбыть на чистой службѣ не болѣе, какъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

Надо сообразить, что рекрутъ нынѣ поступаетъ на службу по большей части — 20 до 25 лѣтняго возраста; значитъ—кончаетъ службу 30 и 35 лѣтъ, нетолько не потерявъ здоровья, а еще выученный—какъ дальше увидите—грамотѣ, иногда мастерству какому нибудь, и всегда—уму-разуму. Это чего нибудь да стоитъ.

Надобно понимать однако, что и самое благодушное облегченіе службы солдата было бы вредно государству, если бы оно ослабляло силы всей арміи. Но въ томъ-то и заключается истинная мудрость новаго узаконенія: правительство облегчило службу солдата, сократило срокъ ея, уволило въ безсрочный отпускъ молодыхъ обученныхъ людей; на дѣйствительной службѣ содержитъ армію мень-

ше прежней, а въ случаѣ надобности имѣетъ въ полтора раза противъ прежняго готоваго, образованнаго войска: по первому призыву въ нѣсколько недѣль уже теперь явится во фронтъ болѣе 600 тысячъ обученныхъ отпускныхъ солдатъ.

А между тѣмъ—какое облегченіе и выгода всему народонаселенію: молодыя рабочія силы не пропадаютъ, а возвращаются ему улучшенными. Въ настоящее время разсматривается въ Государственномъ Совѣтѣ узаконеніе, въ силу котораго крестьянинъ, поступающій на службу, сохранитъ всѣ свои обывательскія права и по отставкѣ будетъ пользоваться, наравнѣ съ неслужащими братьями, своею долею всякаго рода имущества и наслѣдства. Служба его будетъ считаться, какъ и слѣдуетъ, временнымъ отсутствіемъ его изъ общества, на послугу государству.

При отставкѣ предполагается выдать ему не только деньги на путь, но даже нѣкоторую сумму на первое хозяйственное обзаведеніе.

Все это, разумѣется, зависитъ во-первыхъ отъ средствъ правительства, во-вторыхъ—отъ ревностной и усердной службы солдатъ.

Когда это узаконеніе будетъ утверждено, то служба, не отнимая ничего у человѣка, дастъ ему только одни выгоды.

И теперь уже вернется на родину человѣкъ, еще невполнѣ отвыкшій отъ прежняго ремесла своего—землепашества, наученый, опытный: займется старымъ дѣломъ—и дѣло пойдетъ у него не по старому, а непремѣнно разумнѣе и совершеннѣе. Онъ

уже вноситъ въ свое общество и семейство не обремененіе и тяготу, а помощь и наставленіе къ лучшему. Еще не забытый земляками парнишка приходитъ къ нимъ дѣльнымъ бывалымъ человѣкомъ: такое достоинство доставитъ ему только общее почтеніе и довѣренность. Вотъ, гдѣ начало полнаго возстановленія доброй славы солдатской.

А это возстановленіе есть священная ваша обязанность, молодые товарищи! Мы, старики, отбыли свой чередъ, отслужили; хорошо-ли-худо — наше дѣло, нашъ отвѣтъ. Надо полагать, что не совсѣмъ еще худо, когда и враги отдаютъ намъ справедливость, да и для васъ мы пріуготовили, сами видите, облегченіе въ службѣ не маленькое.

Дай-же Богъ служить вамъ получше насъ—знаніемъ, почище насъ въ домашней жизни, но и не хуже насъ усердіемъ и искренностію; потому что мы—въ искренномъ усердіи, многотерпѣніи и вѣрности, по совѣсти и присягѣ, никому чести своей не уступимъ.

V.

Отмѣна тѣлеснаго наказанія; уставъ дисциплинарныхъ взысканій.

„Каждая вина виновата". Это основаніе человѣческой справедливости, и первое правило военной дисциплины; потому что безнаказанный проступокъ—плохой примѣръ: онъ порождаетъ только проступки.

„Старшій отвѣчаетъ за порочность и проступки младшаго", который у него подъ начальствомъ. И это справедливо: потому что обязанность старшаго именно въ томъ и состоитъ, чтобы наставлять младшаго и наблюдать за его поведеніемъ.

Но, какъ мы видѣли — по трудности прежней службы и по множеству порочныхъ и штрафованныхъ людей—въ войскѣ всегда было много виноватыхъ. Провинился рекрутъ—виноватъ и „дядька", виноватъ и унтеръ-офицеръ, какъ ближайшій начальникъ: всѣ въ отвѣтѣ.—А солдатскій отвѣтъ былъ одинъ: «сама себя раба бьетъ, что нечисто жнетъ»—всѣхъ и накажутъ вмѣстѣ: и рекрута, и дядьку, и унтера. А не то—съ праваго фланга: одинъ другаго наказывай, да поскорѣй, ибо время дорого, да покрѣпче, ибо будетъ памятнѣе. Впрочемъ, покрѣпче выходило само собой: меня наказали за тебя и мнѣ же предоставили съ тобой раз-

считаться—ужъ разумѣется, охулки на руку не положу, и отведу сердце какъ слѣдуетъ.

Иначе и нельзя было; попробуй бывало пропустить безъ наказанія хоть маловажный проступокъ—черезъ часъ пять человѣкъ накуралесятъ вдвое, въ той надеждѣ, что-авось и намъ сойдетъ.

Наказаніе было одно: исключительно—тѣлесное. Оно было въ законѣ и въ обычаѣ всего народа, слѣдовательно перешло и въ войско, только въ болѣе суровомъ видѣ. Необразованность рекрутъ и большинства старыхъ солдатъ была такова, что увѣщаніемъ, угрозой, стыдомъ—ничего не подѣлаешь бывало: увѣщанія не слушали, угрозамъ не вѣрили, стыда не имѣли. Кромѣ страха, ничего не оставалось.

Поэтому всякая вина разрѣшалась однимъ способомъ: тѣлеснымъ наказаніемъ. Свыклись съ этимъ и начальство, и солдаты; бой былъ никому не въ новинку—отдулся и правъ: и скоро, и горячо.

Впрочемъ тѣлесное наказаніе было, какъ мы сказали, всеобщимъ обычаемъ; оно было двухъ родовъ: «отеческое и позорное». Въ самомъ образованномъ классѣ общества, добрый отецъ наказывалъ провинившагося любимаго сына своего розгами. И наказывалъ не за одни проступки и шалости: и всякая наука не обходилась безъ бою.

Такимъ образомъ установилось и въ войскѣ два рода наказаній: за легкія шалости, ошибки и за науку—наказаніе «отеческое». А за обдуманные проступки, за порочность и преступленія—наказаніе «позорное».

Разумѣется, оба рода этихъ наказаній, отъ частаго употребленія ихъ, смѣшались въ понятіяхъ и начальниковъ, и подчиненныхъ. И это естественно.

Можно бы промолчать о разныхъ видахъ этихъ наказаній; но молчаніе тутъ напрасно: не осудимъ мы и не постыдимся нашего прошедшаго, а вспомянемъ о немъ съ уваженіемъ,—изъ него возникла наша настоящая честная жизнь.

Съ глубокимъ уваженіемъ взглянемъ на тѣ невзгоды, черезъ которыя прошли мы и достигли этой чести. Взглянемъ такъ, какъ старый воинъ глядитъ на свои раны, за которыя онъ получилъ крестъ и гордится своимъ увѣчьемъ.

Къ тому же надо помнить, что при тогдашнихъ условіяхъ народнаго и солдатскаго быта, мѣры строгости были единственнымъ способомъ порядка. И, говоря по совѣсти, рѣдко кто роптaлъ на строгость, а были цѣлыя роты и эскадроны, горячо-любившіе своихъ строгихъ командировъ. Преданность же войска Царю и отечеству всегда была искренна и безгранична.

При прежнихъ наказаніяхъ иногда встрѣчалися примѣры, что отличнѣйшіе, благонравные и умные солдаты отказывались отъ производства въ унтеръ-офицеры и предпочитали оставаться навсегда рядовыми. Это были по большей части корневики, столпы роты. Почти всегда серьозные, молчаливые, угрюмые—они казались безучастными особняками. Но все, что дѣлалось въ ротѣ хорошаго—дѣлалось съ ихъ вѣдома, какъ, будто отъ нихъ вы-

самъ не знаю, какъ это случилось и по-чьей оплошности обошелъ я васъ»? А остальнымъ крикнулъ: «не поминайте лихомъ, братцы!»

«Съ Богомъ, Исай Егорычъ! закричали остальные: покорно благодаримъ на доброй наукѣ вашей!»

Фельдфебель и унтера вопили погромче всѣхъ, значитъ, были очень благодарны. Старикъ ушелъ.

Разсказано, какъ было: ни единаго слова не прибавлено. За тѣмъ, судите сами.

Вообще, за науку и за легкія шалости наказанія хоть и были неумѣренны, но сносны. Другое дѣло наказанія позорныя. Самое жестокое изъ всѣхъ такихъ наказаній, назначаемое только судомъ за преступленіе, было—«прогнаніе сквозь строй шпицрутенами», заимствованное отъ нѣмцевъ. У солдатъ оно называлось «зеленой улицей» или «прогулкой подъ музыку», и нашлись такіе балагуры, что даже пѣсню сложили подъ эту музыку:

Ты не бѣгай, не гуляй!
Въ темну ночку не воруй! и т. д.

Лишая преступника чести и всѣхъ правъ, наказаніе это отнимало и здоровье.

1864 года 17 Апрѣля, въ незабвенный день Своего рожденія, Государь освободилъ отъ тѣлеснаго наказанія «и всѣхъ безпорочно-служащихъ, и всѣхъ тѣхъ, что вновь будутъ поступать на службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ *навсегда* отмѣнено постыдное наказаніе шпицрутенами.»

По всей Россіи незабвенный день этотъ ознаменованъ навѣки благодарственными молитвами мно-

тихъ мильоновъ народа. Тогда же поздравляя въ «Бесѣдахъ нашихъ» народъ и войско съ этимъ великимъ событіемъ, сказали мы:

«На площадяхъ, гдѣ змѣинымъ посвистомъ свистѣла плеть и въ стонѣ народномъ стоялъ вопль и дикій ревъ казненныхъ, отнынѣ дѣтскимъ веселіемъ заиграетъ пѣсня во славу Царя-благодѣтеля, и въ тихой молитвѣ прольются слезы старцевъ, помнящихъ прежнее горе и видящихъ нынѣшнее благоденствіе».

Тѣлесное наказаніе въ самой малой мѣрѣ, не иначе какъ по приговору суда, оставлено только для тѣхъ, на которыхъ ни увѣщанія, ни угрозы, ни стыдъ, ни исправительныя наказанія арестомъ— уже не дѣйствуютъ.

Въ «Уставѣ дисциплинарныхъ взысканій» ясно изложены всѣ правила наказаній по мѣрѣ проступковъ. Солдатъ долженъ знать всѣ эти правила. А въ короткихъ словахъ, вотъ весь смыслъ нынѣшнихъ мудрыхъ и человѣколюбивыхъ узаконеній по этой части:

Каждый поступающій на службу рекрутъ уважается всѣми, какъ честный солдатъ: онъ неприкосновененъ. За первую умышленную оплошность или шалость—отдается приказъ по ротѣ, и ему запрещается временно отлучка изъ казармы или дѣлается выговоръ. Сдѣлалъ онъ еще нечестное дѣло—имя его заносится въ «ротный штрафной журналъ»—и вотъ первый шагъ изъ ряду «честныхъ людей». Но при дальнѣйшемъ честномъ поведеніи—это изглаживается: онъ идетъ наряду со

всѣми безпорочнослужащими людьми. Еще одно худое дѣло—и уже оно заносится въ послужной его списокъ, въ штрафную графу, и вся прежняя служба его пропала. А послѣ этого если повторится худое дѣло, значитъ—человѣкъ самъ себя осуждаетъ къ наказанію, отъ котораго освобождены всѣ честные люди.

За тѣмъ слѣдуетъ—выключка изъ дѣйствующихъ войскъ въ «Рабочія бригады»; а если и тамъ не исправится, то для такихъ неисправимыхъ будутъ учреждены «Дисциплинарныя команды». И много лѣтъ честной, воздержной и строгой службы нужно человѣку, чтобы оттуда опять возвратиться на степень честнаго солдата.

Дѣло ясное, братцы: пуще огня, пуще всякаго несчастья, берегитесь штрафной книги. Это первый переходъ иногда безконечнаго и всегда тяжкаго похода. Часто онъ кончается гибелью.

За проступки непростительные, разумѣется, съ разу попадаютъ въ штрафъ, отмѣчаемый въ формулярѣ, и потому первая обязанность старыхъ солдатъ—объяснять эти узаконенія рекруту.

Высшимъ наказаніемъ за уголовныя преступленія, какъ-то: возмущеніе противъ власти, грабежъ, убійство, измѣна—наказываются «смертною казнью», разстрѣляніемъ.

Иначе и быть не можетъ: измѣнникъ, грабитель, убійца—отпѣтые люди; ихъ душевная испорченность оскорбляетъ все человѣчество,—пребываніе ихъ между людей гибельно, особенно для слабыхъ и склонныхъ къ проступкамъ, неопытныхъ сол-

датъ. Мудрость народная рѣшила давно: «дурная трава изъ поля вонъ». Если человѣкъ не признаетъ законовъ ни Божескихъ, ни человѣческихъ; если ему не дорого ни отечество, ни человѣчество, то онъ самъ себѣ написалъ приговоръ.

Замѣтимъ кстати, что въ иныхъ войскахъ, наприм. во французскомъ,—и за воровство солдатъ казнится разстрѣляніемъ.

Да минуетъ всякое зло нашу доблестную армію. Дай Богъ намъ твердости — избѣгать и малыхъ проступковъ. И это зависитъ отъ всѣхъ насъ, братцы. Честные и твердые, наблюдайте за слабодушными товарищами, не допускайте ихъ впадать въ малыя погрѣшности: спасете отъ большихъ.

Только такимъ общимъ стараніемъ и благонравіемъ достойно возблагодаримъ мы Царя, и за великодушіе его заплатимъ по-солдатски: беззавѣтной преданностію, храбростію и чистою непорочной службой.

VI.

Обмундированіе и вооруженіе.

Со времени учрежденія у насъ регулярныхъ войскъ, т. е. отъ Петра Великаго, форма одежды и оружія принята была по нѣмецкому образцу. Сперва войско одѣто было въ кафтаны, обуто въ ботфорты или высокіе по колѣно сапоги. Потомъ вмѣсто кафтановъ даны мундиры, къ брюкамъ краги, позже—штиблеты. Наконецъ Императоръ Николай Павловичъ отмѣнилъ стѣснительную форму штиблетъ.

Послѣднее, до нынѣшняго, обмундированіе было: мундиръ, брюки, шинель, фуражка, большіе и малые наушники, сапоги съ короткими голенищами. Въ холодное время—рукавицы съ варяжками, набрюшники.

Главныя неудобства такой обмундировки заключались, во первыхъ, въ стѣснительности ея—мундиръ былъ въ обтяжку; во вторыхъ—брюки подъ мундиромъ изнашивались очень скоро, и во всей одеждѣ не было ни одного кармана. Короткія голенища сапоговъ въ глубокую грязь или въ колючихъ кустарникахъ, какъ напр. на Кавказѣ, мало защищали ноги и не сберегали брюкъ. Фуражка для сѣвернаго климата хороша, но на югѣ не защищала глазъ отъ яркаго свѣта солнца; притомъ

на большихъ наушникахъ она сидѣла на макушкѣ. Большіе наушники, хотя и походили на старушечій чепчикъ, но служили хорошо; малые годились только для парадовъ. Любимой одеждой солдата была шинель; хотя въ ламзакѣ на ранцѣ она была очень тяжела, за то во всѣхъ прочихъ случаяхъ—незамѣнима. Службу кармановъ выполняли обшлага шинели и сапожныя голенища; туда пряталось все, что неполагалось солдату, а между тѣмъ необходимо: платчишко съ тавлинкой, кто имѣлъ привычку къ этимъ обѣимъ вещамъ, гребеночка, кисетъ съ табакомъ; носогрѣйка и рожокъ табачный носились въ голенищѣ. Драгоцѣнныя же вещи и капиталы — по малости и укладистости своей—держались въ тряпочкѣ или бумажкѣ, больше за *присягой* то-есть—за галскухомъ. Кромѣ казенной мундирной аммуниціи, каждый солдатъ непремѣнно имѣлъ нагрудникъ, почти всегда на ватѣ или на паклѣ, очень веселыхъ цвѣтовъ и замѣчательныхъ узоровъ; въ этомъ уборѣ былъ внутренній карманъ, а въ карманѣ—трудно сказать, чего не было: смотря по вкусу и характеру человѣка. Въ зимнее время, походомъ, у запасливыхъ людей появлялось еще полезное украшеніе: мѣховые воротники—собачьи, кошачьи, заячьи, бараньи и даже телячьи; а у иныхъ таковые же жилеты или куртки. Мѣха эти были по большой части «самодѣльные», и потому на морозѣ стояли какъ деревянные.

Неудобство прежняго обмундированія оказывалось яснѣе всего на рекрутахъ: съ превеликимъ

трудомъ привыкали они къ мундирной аммуниціи и, стѣсненные ею, еще съ большимъ трудомъ подвигались въ дѣлѣ ученья темпамъ и пріемамъ, ружью и маршировкѣ. Объ упрощеніи этого ученья скажемъ далѣе.

Въ 1854 году въ первый разъ дана Императорскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ «народная» форма обмундировки. А послѣ Крымской войны Государь Императоръ, отечески заботясь о своемъ войскѣ, повелѣлъ составить комитетъ о снаряженіи солдата. Тамъ ученые и опытные офицеры, по зрѣломъ совѣщаніи, составили форму, болѣе сообразную съ нынѣшними потребностями военнаго дѣла и съ удобствомъ для солдата.

Нельзя сравнить нынѣшняго кафтана и шараваръ съ мундиромъ и брюками: во первыхъ нѣтъ никакого стѣсненія, во вторыхъ имѣется четыре кармана для всякой солдатской потребы. Вмѣсто прежняго стоячаго воротника на шинели, отложной воротникъ нынѣшняго плаща, и на полахъ еще два кармана—великое облегченіе: ничего не было труднѣе, какъ застегнуть стоячій воротникъ шинели, надѣтой въ холодное время на мундиръ.

Вмѣсто фуражки—шапка, кепи съ козыркомъ, замѣняетъ и прежній киверъ или каску.

Вмѣсто наушниковъ, данъ башлыкъ; нечего и говорить о его удобствѣ: въ морозъ, дождь и вѣтеръ, точно въ коляскѣ человѣкъ... только ноги погоняй. До какой степени удобенъ этотъ уборъ, видно изъ того, что даже всѣ женщины—богатыя и бѣдныя—переняли его у насъ: разшили себѣ зо-

лотомъ да шелками и щеголяютъ. Имъ и къ лицу, и на здоровье, а спасибо принадлежитъ намъ.

Еще удобная и любезная вещь—гимнастическая рубашка. Въ жары, въ лагеряхъ, на ученьяхъ чистое приволье; притомъ сберегаетъ и кафтанъ, и шинель.

Наконецъ важнѣйшая статья, особенно для пѣхоты—обувь: вмѣсто прежнихъ двухъ паръ въ годъ, съ 1857 года введены во всѣхъ войскахъ сапоги съ длинными голенищами, на два года, по слѣдующему разсчету: первый годъ пара сапогъ съ длинными голенищами черной дегтярной юфти, и особо — переда той же юфти съ подошвами. Во второй годъ двѣ пары передовъ съ подошвами и одна полная пара сапогъ бѣлой юфти. На мелкій приборъ къ длиннымъ и обыкновеннымъ сапогамъ отпускается по 10 коп. сер. на пару, т. е. 30 коп. на человѣка. Къ аммуничнымъ деньгамъ прибавлено на шитье длинныхъ сапоговъ 15 копѣекъ, и на пришивку къ нимъ во второй годъ головъ съ подошвами по 7 коп. Въ 1859 году послѣдовало опять улучшеніе въ обуви: гвардіи отпускается двѣ полныя пары длинныхъ сапоговъ въ годъ и къ нимъ третья пара подошвъ. Арміи— двѣ такія же пары и къ нимъ двѣ пары подметокъ; на шитье сапоговъ 15 копѣекъ, на приборъ 30 и на черненіе сапоговъ 10 коп., всего 55 коп. на человѣка, сверхъ аммуничныхъ денегъ. Притомъ нынѣшній товаръ несравненно лучшаго качества, нежели прежвій, пріемка его въ полки стала гораздо строже и приказомъ Военнаго мини-

стра объявлено по войскамъ во всеобщее свѣдѣніе полное описаніе сапожнаго товара—съ какими именно пороками товаръ къ пріему не допускается.

Сравнивая обувь иностранныхъ войскъ съ нашею, смѣло можемъ сказать, что едва ли есть армія, которая была бы снабжена такой, какъ наша прочной и удобной обувью.

Перейдемъ къ вооруженію.

Солдатъ есть «боевая сила», слѣдовательно только то облегченіе его вооруженія возможно и разумно, которое доставляетъ солдату удобство, *нисколько* не ослабляя его боевыхъ способовъ. Прежде всѣхъ, это долженъ понимать самъ солдатъ — и тогда ни штуцеръ, ни ранецъ не покажутся ему тяжелыми. Бывшіе въ дѣлѣ, разумѣется, дознали это по опыту; а молодые должны соображать эту истину за-время, и стараться привыкать къ необходимой тяжести.

И въ прежнее время солдатъ былъ не для красоты обремененъ аммуниціей, которая теперь облегчена или отмѣнена: нѣтъ, все въ свое время было нужно, а теперь измѣнено потому, что стало ненужнымъ. Военное дѣло, какъ и все на свѣтѣ, съ каждымъ годомъ совершенствуется, идетъ ближе къ цѣли: драться—такъ драться, а не маяться.

Зачѣмъ, напримѣръ, прежде были кивера, и потомъ каски, когда оказывается, что легкая шапка гораздо удобнѣе?

А вотъ зачѣмъ: прежде не были изобрѣтены штуцера, гладкоствольныя ружья били плохо, солдатъ неучили фехтовкѣ: ни сабли, ни пики солдатъ не

умѣлъ отбить порядкомъ. Поэтому кавалерія вела смѣло свои аттаки на пѣхоту, врубалась иногда въ каре, а о кучкахъ и единичномъ человѣкѣ и говорить нечего: кавалеристъ рубилъ его по башкѣ, какъ капусту. Вотъ, для защиты головы и были даны пѣхотѣ кивера, потомъ — окованныя каски. Было тяжело носить ихъ всю службу, за то очень здорово хоть разъ въ жизни сохранить свою голову, когда наскачетъ на тебя какой нибудь головорѣзъ.

Теперь данъ штуцеръ,—каре неприступно для кавалеріи, и одиночный ловкій стрѣлокъ ссадитъ кавалериста прежде, нежели онъ наѣдетъ на него; да и незаряженнымъ ружьемъ ловкій пѣхотинецъ бьется хоть бы и съ двумя кавалеристами, и не возьмешь его, словно ежа. За тѣмъ кивера и каски стали ненужны: искусство цѣльной стрѣльбы и фехтованья освободило солдатъ отъ тяжкаго труда всю службу таскать на головѣ порядочное лукошко. Вотъ причина измѣненія формы.

Боевая аммуниція прежняго времени была тяжела и неудобна: сума мѣшала свободной ходьбѣ и въ особенности бѣглому шагу; при учащенной пальбѣ, даже привычные люди, доставая изъ нея патроны, въ торопяхъ роняли ихъ, захвативъ два или три. Тесакъ билъ по икрамъ и путался въ ногахъ. Чистка ремней, особенно на кантониръ-квартирахъ, гдѣ тараканы, сверчки и дажя буры лѣзутъ въ твой супъ, изготовленный для аммуниціи, производила подъ часъ немалые хлопоты. А иногда и самъ лощишь, лощишь, да вдругъ

какъ нибудь чихнешь на нее—и все пропало!... Какое же сравненіе съ нынѣшними ремнями?

Самая вѣская походная аммуниція—ранецъ. Но это солдатскій домъ: какъ ни облегчай его, онъ все-таки будетъ на столько тяжелъ, на сколько неотложны и незамѣнимы наши потребы походныя. Теперь всѣ ненужныя мелочи, *смотровыя* вещи, т. е. именно такія, на которыя только и можно было смотрѣть, а въ дѣло они не годились, отмѣнены; это значительно облегчило ранецъ. При томъ же онъ теперь мягкій, пригонка его несравненно свободнѣе прежняго и почти не стѣсняетъ человѣка. И нѣтъ сомнѣнія, что все это еще будетъ усовершенствовано. Но надобно понимать необходимость тяжести походнаго и боеваго снаряженія: солдатъ—это искусникъ, разносящій грозу и смерть. Инструментъ его—оружіе: ружье, сабля пика. Первое дѣло—будь самъ исправенъ и искусенъ; второе—имѣй инструментъ въ полномъ порядкѣ и исправности.

Мы, старые солдаты, были неменьше искусны, чѣмъ вы господа—молодежь: да искуство-то наше было другое. Батюшка Суворовъ встарину сказалъ: пуля дура, штыкъ молодецъ. Мы притомъ и остались. А матушка-Академія нынче говоритъ: свинцовая дура и пороху не стоитъ — завострить ей башку колпакомъ, да приплюснуть задъ — вышла *коническая*, и поумнѣла. Главное—и штыкъ при этомъ ничего не потерялъ; но при извѣстной способности нашего войска — ходить въ штыки, да еще мѣткая и дальняя стрѣльба — очень недурно

будетъ. А съ ружьемъ, заряжающимся съ казны безъ шомпола: можно удовольствовать кого угодно.

Въ наше время взыскивалась въ особенности чистота и непремѣнно требовался «темпъ». Для первой надобности, терли наждакомъ да выверчивали пескомъ дуло такъ, что оно только визжитъ бывало. Искусники учебные карабинеры наводили шлифовку иглами на всѣ желѣзныя части ружья. Для второй необходимости, отъ ружья требовался мелкій, серебристый звонъ, и дѣло доходило до того, что—смѣшно вспомнить: отвинчивали затыльникъ, выдалбливали прикладъ и насыпали туда битаго стекла... За то бывало хватишь хватку—просто, поетъ фузія!.. Это изобрѣли кантонисты, а мы поскорѣй переняли. Конечно, въ сраженіи это изобрѣтеніе не приносило особенной пользы, но и не мѣшало штыку нести свою откровенную и вѣрную службу.

Впрочемъ и въ наше старое время были лихіе стрѣлки; они берегли свои ружья пуще глазу, и недавали никому прикоснуться къ нимъ. На время своихъ командировокъ и отпусковъ, каждый такой стрѣлокъ сдавалъ свое ружье въ цейхгаусъ, чтобы оно не попало въ чужія руки. Но это были «охотники», немногіе. А теперь каждый пѣхотинецъ долженъ быть охотникомъ; во всѣхъ арміяхъ пальба—первое дѣло: намъ отставать неприходится.

Въ первое же сраженіе крымской войны, подъ Алмой, оказалось, что старое ружье въ нынѣшнемъ бою негодится, и уже подъ Севастополемъ далъ знать себя нарѣзной штуцеръ.

*

А въ прошломъ году подрались Нѣмцы—Пруссакъ съ Австрійцемъ: прусская армія вся была вооружена игольчатыми ружьями, заряжающимися съ казенной части, и хорошо была обучена пальбѣ. Когда сошлись двѣ арміи подъ крѣпостью Кенигсгрецомъ, то Пруссаки открыли по Австрійцамъ такой мѣткій и учащенный огонь, что Австрійцы, недолго думая, повернули на лѣво-кругомъ, проиграли баталію, а съ нею и всю войну.

Это одно обстоятельство даетъ уже полное понятіе о томъ, какъ важно для войска доброе и исправное оружіе, икакъ необходимо полное умѣнье владѣть имъ.

VII.

Продовольствіе солдата.

Съ учрежденія регулярныхъ войскъ Петромъ Великимъ, всѣ воинскіе чины получали жалованье, на которое они должны были одѣваться, обуваться и кормиться; только вооруженіе солдату давалось отъ казны. Для удобства продовольствія нижніе чины устраивали свои артели, и порядокъ этотъ продолжался до начала восьмисотыхъ годовъ. Затѣмъ продовольственное положеніе солдата постепенно улучшалось: наконецъ былъ опредѣленъ постоянный паекъ—мукой, крупой и солью; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войску опредѣлены были сверхъ того приварочныя деньги.

Но до 1849 года не было общаго положенія о мясныхъ порціяхъ; войска получали эти порціи различно: нѣкоторыя части по 1½ фунта мяса на человѣка въ недѣлю, другія по 1 фунту, а иныя неполучали вовсе. Съ 1849 года повелѣно отпускать всѣмъ строевымъ нижнимъ чинамъ по 7 фунтовъ мяса и 169 золотниковъ соли въ мѣсяцъ на каждаго; нестроевымъ—въ половину.

На мясныя порціи отпускались деньги по разсчету—отъ 35 до 40 копѣекъ сер. въ мѣсяцъ, или около 1½ копѣекъ въ день, что составляло около

5 р. сер. въ годъ на человѣка. Продовольствіе—не особенно жирное, дѣло видимое.

По этому-то продовольствіе наше много зависѣло отъ стоянокъ: въ богатой губерніи или бѣдной, въ урожайной сторонѣ или въ плохой? А отъ ограниченнаго продовольствія нѣсколько зависѣла и нравственность солдата: покопать, гдѣ нибудь въ отдаленіи чужой картофель, и даже приспособить заблудшуюся курицу, считалось разумѣется грѣхомъ, но случалось частенько. Взамѣнъ этого, несмотря на ограниченность солдатскихъ средствъ, къ чести нашей были и другаго рода случаи: есть мѣста, цѣлые уѣзды и губерніи, гдѣ еще теперь вспоминаютъ старики «худое время»: голодные года, когда люди пухли и умирали съ голоду. И вспоминая это худое время, разсказчикъ осѣняется крестомъ и прибавляетъ: «кабы не солдаты—пропали бы въ ту пору всѣ мы и съ ребятишками нашими»!... Солдаты дѣлили пополамъ съ хозяевами свой провіантъ... Народъ простилъ намъ за это всѣ наши грѣшки по скоромной части.

Съ 1857 года продовольственная часть измѣнена основательно: она уже не зависитъ ни отъ какихъ случайностей, все разсчитано—и солдатъ обезпеченъ во всякой мѣстности и во всякое время. Порціонныя деньги отмѣнены, а выдаются *приварочныя* на все число людей, какъ строевыхъ, такъ и не строевыхъ. Для этого всѣ губерніи Россіи раздѣлены на три разряда или категоріи, по степени ихъ плодородія и слѣдовательно — по мѣрѣ дороговизны продовольственныхъ про-

дуктовъ ихъ. По действительной цѣнности продуктовъ или припасовъ, необходимыхъ для продовольствія солдатъ, войска и получаютъ приварочныя деньги: въ губерніяхъ 1-го разряда, вмѣсто прежнихъ $1\frac{1}{2}$ копѣекъ—по $3\frac{1}{3}$ копѣйки; это составляетъ 1 рубль въ мѣсяцъ, 12 руб. въ годъ на человѣка. Въ губерніяхъ 2-го разряда—$2\frac{7}{9}$ копѣйки—т. е. по 10 рублей въ годъ на человѣка. А 3-го разряда—по $2\frac{1}{2}$ коп. въ день,—или по 9-ти руб. сер. въ годъ.

Но этимъ не ограничивается положеніе: оказались мѣстности, въ которыхъ, по дороговизнѣ припасовъ, этими деньгами трудно кормиться до сыта. Государь Императоръ повелѣлъ: «Не стѣ-«сняясь огромной прибавкой, которая необходима «для продовольствія вполнѣ достаточнаго,—вой-«скамъ, нуждающимся въ пособіи, *отпускать столь-«ко добавочныхъ денегъ, чтобы солдаты всегда и всюду «были сыты»*. Такія добавки отпускаются во многихъ мѣстностяхъ круглый годъ: гдѣ—до 4-хъ коп. сер. въ день, гдѣ до 5-ти и до 6-ти копѣекъ;—что составляетъ огромную сумму.

Въ гвардіи, постоянно расположенной въ одной мѣстности,—другой порядокъ продовольствія: по раскладкѣ гвардейской положено—какая именно пища готовится каждый день, и сколько въ каждое варево идетъ припасовъ. На всѣ припасы опредѣляется разъ въ годъ справочная цѣна, и по этой цѣнѣ, по количеству употребляемыхъ продуктовъ, и по числу продовольствовавшихся людей, ежедневно выводится разсчетъ. По этому раз-

счету гвардейскія войска получаютъ приварочныя деньги. При такомъ порядкѣ продовольствія, пища всегда одного достоинства: ни больше, ни меньше въ котелъ положить нельзя; и уже приноравливаются — не продукты къ деньгамъ, а деньги къ продуктамъ. Это конечно гораздо выгоднѣе солдатскому желудку; къ сожалѣнію такой порядокъ не вездѣ удобенъ и возможенъ. На гвардіи испытывается примѣръ; по мѣсту расположенія ея — это очень удобно, а собирать свѣдѣнія о цѣнахъ на припасы по всей Россіи невозможно. Впрочемъ, начальство работаетъ надъ этой трудной задачей и конечно, попеченія его принесутъ намъ новыя улучшенія и новыя выгоды.

VIII.

Первоначальное обученіе солдата.

Военное дѣло совершенствуется постепенно: изобрѣтаются новыя средства, новыя оружія, способы быстраго передвиженія войскъ. Эти изобрѣтенія требуютъ новыхъ пріемовъ военнаго искусства, и нынѣшнія требованія военной службы далеко не тѣ, какія были прежде.

Съ другой стороны—народъ постепенно развивается, становится развязнѣе, подвигается къ образованію. Велика разница между прежнимъ и нынѣшнимъ рекрутомъ, и такая же разница между прежнимъ обученіемъ его и теперешнимъ.

Все первоначальное образованіе солдата заключалось въ обученіи его — по фронту: маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ; по части умственнаго развитія—знанію чиновъ и именъ начальства, обязанностей часоваго, такъ называемыхъ «пунктиковъ» и сигналовъ егерской эволюціи. И эти познанія давались рекрутамъ не легко.

Бывало приведутъ въ роту рекрутовъ, распредѣлятъ ихъ къ дядькамъ и обучающимъ, и начинается работа: на другаго пока мундиръ напялятъ, такъ его цыганскій потъ пройметъ. Обученіе «стойкѣ» шло по нѣскольку мѣсяцевъ, и пока дойдутъ до маршировки, то уже человѣкъ

похудѣетъ порядкомъ. Обученіе сопровождалось пинками, тычками — гдѣ коленкомъ, гдѣ каблукомъ, а гдѣ и кулакомъ поправятъ; и при этомъ пріучаютъ къ выразительному языку солдатскому: тутъ рекрутъ узнавалъ азбуку всевозможныхъ ругательствъ. Это называлось въ наше время «выломоть, оболванить лоботряса». Дѣйствительно, дядька возился съ нимъ, какъ медвѣдь съ осиновымъ чурбаномъ. Едва черезъ годъ становился рекрутъ во фронтъ и, покончивъ съ «учебными шагами и темпами», переходилъ въ искусныя руки образцоваго или учебно-карабинернаго унтера для окончательной, какъ говорилось — шлифовки. Здѣсь уже добивались высшаго искусства: чтобы хватка у тебя «горѣла», осадка «сверкала», наплечо «мелькало!» — «Нога какъ плеть, въноскѣ игра, плыви какъ лебедь, гляди какъ орелъ — остальное — ни-гугу! все померло!...» Дѣйствительно, плывешь, бывало, словно въ облакахъ и ничего не помнишь... Многіе достигали удивительнаго искусства; къ сожалѣнію, всѣ эти темпы и пріемы, сами по себѣ очень красивые, ровно ни къ чему не годились въ дѣлѣ съ непріятелемъ, съ которымъ обыкновенно управлялись безъ ихъ помощи, а собственною безхитростною храбростію.

Въ томъ-то и заключалось важное неудобство прежняго обученія: оно не достигало настоящей боевой цѣли, очень часто стоило людямъ здоровья, приводило къ отупленію и вообще — ослабляло природную силу арміи. Правда, что кто

благополучно проходилъ такую школу, тотъ уже былъ желѣзный человѣкъ: но это удавалось немногимъ.

Нѣтъ надобности распространяться о способахъ нынѣшняго первоначальнаго обученія солдата: они вамъ извѣстны по опыту. Но вѣрно оцѣнить достоинство этихъ способовъ можно неиначе, какъ по сравненію съ прежними и по послѣдствіямъ, которыя мы надѣемся очень скоро увидѣть.

Мягкое и ласковое обращеніе съ рекрутомъ, постепенное и послѣдовательное обученіе его умѣнью обходиться ловко съ своимъ оружіемъ, и необходимой развязности, находчивости; гимнастика, фехтованіе, искусная пальба въ цѣль — все это развиваетъ человѣка умственно и тѣлесно, и дѣлаетъ его вполнѣ способнымъ къ службѣ, къ которой онъ предназначенъ.

Каждый долженъ уважать и любить свое ремесло, свое занятіе; но любить можно только то, что хорошо знаешь — чего не знаешь и неумѣешь, того и полюбить нельзя. Слѣдовательно, намъ надо узнать и основательно изучить наше ремесло солдатское, и тогда мы непремѣнно полюбимъ его. Каждая служба: въ пѣхотѣ, въ кавалеріи, во флотѣ, имѣетъ свои особенности — солдатъ долженъ приспособиться къ нимъ, изучить ихъ. Нынѣшнее первоначальное обученіе прямо съ этого и начинается: учатъ бѣгать, скакать, лазить, фехтовать — словомъ, умѣнью дѣлать все то, что необходимо въ бою, и умѣнью хорошо обращаться съ оружіемъ, которымъ ты вооруженъ.

Если бы мы знали, сколько именно въ военное время погибло людей отъ разнаго неумѣнья: кто не съумѣлъ отбить саблю или пику, или промахнулся, по неумѣнью стрѣлять — и былъ зарубленъ или заколотъ; кто, по непривычкѣ, не могъ перескочить какое-нибудь препятствіе, или не прибѣжалъ на помощь товарищу,—а кто, ничего не умѣя, и совсѣмъ руки опустилъ передъ бѣдой. Если бы все это было намъ извѣстно, то конечно мы ясно поняли бы необходимость заблаговременно пріобрѣсти все это умѣнье и привычку; безъ всякаго приказанія начальства, мы учились бы, даже въ тайнѣ, прыгать, рубить, колоть и отбиваться: — кому жизнь не мила!— Но и безъ горькаго опыта легко понять, что именно нужно боевому человѣку? Только вникни въ дѣло, а вникнувши—приложи къ нему полное и усердное стараніе. Каяться не будешь.

И, что важнѣе всего для человѣка: всѣ эти занятія не только необходимы для военнаго дѣла, но укрѣпляютъ и развиваютъ силы и придаютъ бодрость и ловкость человѣку. А такія качества очень не лишни и во всякомъ другомъ ремеслѣ, которымъ придется заняться по окончаніи срока службы.

Тутъ нѣтъ и рѣчи о необходимости старанія и усердія: кто себѣ врагъ. Но необходимо цѣнить то отеческое попеченіе, которое обращаетъ службу солдата—ему же въ пожизненное благодѣяніе.

IX.

Грамотность.

Всѣ полезныя и благодѣтельныя измѣненія и улучшенія, о которыхъ мы здѣсь сказали, были бы не полны и не тверды, если бы не дать средства солдату—самому продолжать свое улучшеніе и свое дальнѣйшее образованіе. Средство это—*грамотность*; нынѣ введена она въ войска обязательно.

Живой примѣръ есть начало и основаніе образованія человѣка; книга есть продолженіе и утвержденіе дальнѣйшаго развитія его, какъ умственнаго такъ и нравственнаго. Разумѣется, много есть плохихъ книгъ, точно также какъ и плохихъ живыхъ примѣровъ, но это другая статья; о ней еще поговоримъ когда-нибудь.

Въ прежнее время грамотный солдатъ былъ—рѣдкость. Унтеръ-офицеры и даже многіе фельдфебеля были безграмотны. Въ иной ротѣ единственнымъ мудрецомъ былъ ротный писарь; и обыкновенно состоялъ подъ присмотромъ, потому что, по большей части, былъ горькій пьяница. Вообще, и въ войскѣ и въ народѣ, грамотѣевъ было очень мало, и почти всѣ они сильно попивали.—Люди приписывали это «тоскѣ одиночества мудраго человѣка среди мрака невѣже-

ства», и считали его въ правѣ пить безъ просыпу: «грамотному нельзя-молъ не пить»! Въ сущности никакой «тоски одиночества» не было, а дѣло въ томъ, что мудрецъ безпрестанно получалъ подачки: то деньгами, то натурою — въ видѣ косушки или полуштофа. Пришло, напримѣръ, рекруту письмо отъ родителей: бѣжитъ къ писарю -- прочитай дядюшка. Надобно писать къ родителямъ, деньжонокъ попросить у нихъ: опять къ писарю — напиши, дядюшка! А дядюшка ни прочесть, ни написать *на-сухо* неумѣетъ и нехочетъ: «Какъ ты, братецъ мой, воображаешь себѣ, что можно сочинить письмо на тощакъ»? или: «Какъ я могу прочесть тебѣ письмо въ скучномъ видѣ? да я тебѣ такой холодъ-голодъ и всякую нужду невольно вычитаю въ письмѣ твоемъ и представлю, что ты весь изрыдаешься и уйдешь въ лазаретъ!» И дѣло кончалось полуштофомъ. Были такіе мудрецы, что напередъ предсказывали, что будетъ по письму: «Грамота, братецъ ты мой, великое дѣло — она все можетъ, и вся она въ моихъ рукахъ: могу написать тебѣ такое письмо, что батька твой, какъ прочтетъ, такъ послѣднюю корову продастъ и пришлетъ денегъ; а могу написать и такое, что прочтетъ, да только плюнетъ въ него. Выбирай: хочешь денегъ — такъ могу даже устроить такъ, что для вѣрности, ихъ пришлютъ на мое имя!» И такіе вѣрные случаи бывали.

Съ другой стороны, случались грамотные почтенные солдаты, упражнявшіеся иногда лѣтъ 20

въ чтеніи все одной, по большей части, божественной книжки: въ караулѣ, въ избѣ, въ казармахъ—засядетъ почтенный грамотѣй и смиренно въ безсчетный разъ читаетъ вслухъ умиленнымъ слушателямъ все одно и тоже мѣсто, котораго ни онъ ни слушатели хотя непонимали ясно, но весьма хвалили.

Изрѣдка бывали и толковые и трезвые грамотники, но ихъ забирали обыкновенно въ штабы. Надо замѣтить однако, что въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ и особенно въ артиллеріи, съ давнихъ поръ офицеры занимались обученіемъ солдатъ грамотѣ, и дѣло это шло иногда съ большимъ успѣхомъ. Но вообще въ войскахъ на грамотность не обращалось вниманія.

Наконецъ въ послѣднія десять лѣтъ грамотность стала замѣтно распространяться во всѣхъ родахъ войскъ; учреждались полковыя, ротныя, батарейныя школы, назначалось постоянное число учащихся — словомъ, дѣло подвигалось уже правильно. Вмѣстѣ съ этимъ возникала «солдатская литература», т. е. составлялись книги, предназначаемыя собственно для обученія, развитія и образованія солдата.—Постепенно сознавалась необходимость такой литературы потому, что руководства и книги, написанныя для образованнаго сословія, подготовленнаго къ ученію воспитаніемъ съ дѣтства, не могутъ быть полезны въ равной мѣрѣ и солдату. Наконецъ всякое отдѣльное ремесло и искусство имѣетъ свою собственную литературу, которая даетъ въ порядкѣ и

полнотѣ всѣ необходимыя ему (спеціальныя) свѣдѣнія.

Съ сокращеніемъ срока службы и съ отмѣной тѣлеснаго наказанія, всеобщая грамотность и солдатская литература стали уже неотложною потребностію. Въ короткій срокъ службы, раньше чѣмъ прежде, рекруту надо стать во фронтъ и знать обязанности солдата; а съ усовершенствованіемъ военнаго дѣла, еще шире и разнообразнѣе требуется умѣнье и знаніе отъ каждаго солдата. Вертѣть пескомъ стволъ ружейный, маршировать подъ барабанъ, да сверкать ружьемъ пріемы—очень удобно можно было и безъ грамотности. Но понимать всѣ тонкія свойства вѣрно стрѣляющаго оружія твоего, умѣть обращаться съ нимъ искусно и бережно; ходить, бѣгать, а при нуждѣ и скакать искусно, соображать всѣ встрѣчающіяся въ бою обстоятельства — это твоя собственная забота. Обязанность учителя—показать и научить тебя какъ это дѣлать, а дальше уже твое дѣло: ни няньки ни палки сзади тебя не приставятъ; придетъ пора боевая: — ты бьешь своимъ искусствомъ — тебѣ честь и слава; тебя побили по твоей глупости — на здоровье! а совсѣмъ убили—вѣчная тебѣ память. Вотъ и все.

Нравственность и дисциплина—это душа военной службы, — съ отмѣной тѣлеснаго наказанія, точно также лишается прежней древесной опеки: каждый отвѣчаетъ честью и совѣстью своей за свою нравственность и свою дисциплину.—Бывало напьянствуешь, проворуешься, нагрубишь

и набезобразничаешь—все это запишутъ деревяннымъ перомъ на твоей собственной кожѣ—и дѣлу конецъ.—Опять ходишь, какъ послѣ бани—чистъ и непороченъ, до перваго случая.—Случай, разумѣется, представлялся скоро, потому что на живой шкурѣ всякія литеры и писаніе скоро зарастаютъ и требуютъ возобновленія.

Нынѣ всѣ важныя проступки записываются въ книгу, а главное — по количеству и свойству проступковъ твоихъ начальство и товарищи вѣрно опредѣляютъ: честный и достойный ты человѣкъ, или плохой и ненадежный. Но прежде нежели оцѣнятъ человѣка начальники и товарищи—онъ самъ долженъ оцѣнить себя по своему достоинству и самъ долженъ достигнуть этого достоинства. Тутъ то и необходима грамотность: Евангеліе и добрыя поучительныя книги откроютъ тебѣ всѣ способы быть добрымъ, честнымъ нравственнымъ человѣкомъ; и въ тоже время объяснять необходимость и долгъ дисциплины. Только преданный другъ, мать или отецъ можетъ постоянно убѣждать человѣка, проникать ему до сердца и утверждать въ немъ честь, совѣсть и к сознанія добра; но преданные друзья рѣдки, мать и отецъ далеко. А есть такія книги, въ которыхъ и братская дружба и родительская любовь вылились въ честныхъ, горячихъ и разумныхъ рѣчахъ и совѣтахъ. Читая внимательно книги такія, человѣкъ становится лучшимъ, самъ того не замѣчая.

Точно также и основательное образованіе, по

службѣ, хотя и дается солдату обученіемъ, но утверждается и развивается чтеніемъ. Всѣ обязанности солдата, всѣ порядки и правила военной службы, какъ въ мирное такъ и въ военное время, объяснены въ книгахъ подробно и внятно. Чтеніе такихъ книгъ облегчаетъ и ускоряетъ практическую выучку. Но для всего этого необходима твердая и правильная грамотность.

Мы видимъ, что начальство дѣлаетъ все возможное для распространенія такой грамотности въ войскахъ: полковыя, батальонныя, батарейныя школы учреждены повсемѣстно. При резервныхъ батальонахъ основаны «писарскіе классы», тамъ, по выбору, грамотныхъ рекрутъ оставляютъ на годъ и приготовляютъ въ писаря; и такихъ писарей обучено уже 1,800 человѣкъ.

Въ унтеръ-офицеры теперь производится не иначе какъ твердо-грамотный—и разумѣется во всѣхъ отношеніяхъ достойный, солдатъ. При томъ, отъ унтера-офицера требуется знаніе закона Божія, ариѳметики, и полнаго понятія начальныхъ военныхъ наукъ. Иначе и неможетъ быть: въ военное время очень часто унтеръ-офицеръ замѣняетъ офицера, да и вообще—твердо-грамотные, основательно обученые и безупречной нравственности унтеръ-офицеры — это краеугольные камни арміи. Унтеръ-офицеръ безотлучно пребываетъ и живетъ съ солдатомъ; ѣстъ, пьетъ, спитъ съ нимъ— онъ старшій товарищъ солдата, старшій солдатъ; — онъ же и наставляетъ его, наблюдаетъ за нимъ—онъ младшій начальникъ его. Въ бою,

онъ можетъ замѣнить солдата, потому что вооруженъ какъ солдатъ, и можетъ занять мѣсто офицера, потому что знакомъ и съ его обязанностями. Унтеръ-офицеръ есть самый почтенный нижній чинъ. Твердая и правильная грамотность безусловно-необходима унтеръ-офицеру. Только она ведетъ къ правильному образованію.

Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что и въ прежнее время было немало грамотѣевъ и именно изъ писарей, которые считались (и въ особенности сами себя считали) *образованными*. Но это была грамотность *неправильная* и къ несчастію твердая; такое же было и образованіе—къ несчастію неисправимое. Неправильность происходила отъ того, что человѣка учили читать бѣгло, не заботясь о смыслѣ. Выучившись такой губной гимнастикѣ, онъ кидался на книги, разумѣется: занимательныя, но «не про насъ писанныя»—на стихи и романы какіе-нибудь. Въ такихъ книжкахъ затверживалъ, какъ сорока, слова, которыя приходилось слышать и отъ образованныхъ людей и, не понимая смысла этихъ словъ, пестрилъ ими свою искаженную рѣчь. Боже избави отъ такой грамотности и отъ такого краснорѣчія и образованія! Настоящій, чистый родной языкъ нашъ внятенъ, звонокъ, твердъ; есть въ немъ *всѣ слова*, потребныя для выраженія какой угодно мысли. Слова эти понятны каждому, даже безграмотному, Русскому человѣку. Слѣдовательно—нечего и изучать безъ надобности разныя иностранныя и непонятныя слова:

лучше говорить просто и разумно по-русски, нежели врать на разныхъ языкахъ, которыхъ притомъ и не понимаешь. Словомъ, надо держаться родной простоты и ясности. И въ особенности — читать и изучать то, что полезно и необходимо знать солдату.

Способы къ такому ученію есть, и конечно будутъ становиться все шире и обильнѣе. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и всѣ мы увидимъ ту неисчислимую пользу, которую принесетъ грамотность нашей доблестной арміи.

Приказы Военнаго Министра и циркуляры Главнаго Штаба, относящіеся до нижнихъ чиновъ.

Съ 1861 по 1872 годъ.

— Нижнимъ воинскимъ чинамъ, уволеннымъ во временной отпускъ, разрѣшено вступать въ законный бракъ, не испрашивая на то разрѣшенія Начальства.

(Цирк. Воен. Мин. 4 Октября 1861. № 194).

— Введеніе въ войскахъ гвардіи и арміи (кромѣ стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи и нѣкоторыхъ кавалерійскихъ полковъ) шапокъ новаго образца (кэпи) взамѣнъ отмѣненныхъ: *каски, кивера, шапахи* и *фуражки*, какъ несоотвѣтствующихъ прямому своему назначенію и условіямъ службы, какъ въ мирное, такъ и въ военное время.

(2-го Марта 1862. № 145).

— Прежнее отданіе чести старшимъ: снятіе шапки, какъ утратившее свое значеніе съ введеніемъ новаго головнаго убора, — отмѣнено, и замѣнено прикладываніемъ правой руки къ козырьку; исключая членовъ Императорской Фамиліи, всѣхъ генераловъ, непосредственныхъ начальниковъ и офицеровъ своего полка, которымъ, кромѣ означеннаго отданія чести, должно останавливаться и дѣлать фронтъ.

(3-го Марта 1863. № 47).

— Высочайшее повелѣніе объ увольненіи всѣхъ

нижнихъ чиновъ, выслужившихъ 20-ть и болѣе лѣтъ, въ отставку.

(8-го Мая 1864. № 141).

— Установленіе 15-ти лѣтняго срока выслуги на отставку нижнимъ чинамъ Кавказской арміи, поступившимъ на службу до 8 Сентября 1859 года.

(12-го Іюня № 191).

— Въ ознаменованіе достославныхъ подвиговъ Кавказской арміи установлены: медаль, для ношенія чинами войскъ кавказской арміи, участвовавшими въ покореніи Западнаго Кавказа въ 1859—1864 г., и крестъ, для ношенія всѣми офицерами и нижними чинами, принимавшими когда-либо участіе въ дѣлахъ съ горцами, въ теченіе всей кавказской войны.

(15-го Іюня № 192).

— Введеніе въ дѣйствіе правилъ для увольненія изъ войскъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу изъ рекрутъ до 8-го Сентября 1859 г., въ безсрочный отпускъ за безпорочную выслугу *пятнадцати* лѣтъ и поступившихъ послѣ 8 Сентября 1859 года—*двѣнадцати лѣтъ*.

Этимъ же правиломъ право на отставку опредѣлено: «нижніе чины изъ рекрутъ, въ какихъ бы войскахъ и командахъ отъ военно-сухопутнаго вѣдомства комплектуемыхъ ни состояли, имѣютъ право на увольненіе въ отставку: 1) поступившіе на службу до 8-го Сентября 1859 года—за безпорочную выслугу *двадцати* лѣтъ, 2) поступившіе послѣ 8-го Сентября 1859 года—за безпорочную выслугу *пятнадцати* лѣтъ.

(11 Октября 1864. № 314).

— Отмѣна наказанія нижнихъ чиновъ шпицрутенами и замѣна этого наказанія отдачею въ Военно-Арестанскія роты.

(12 Марта 1865. № 96).

— Введеніе въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 6-го Іюля 1863 года и исправленнаго, согласно послѣдовавшимъ постановленіямъ, Положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ.

(7 Апрѣля № 131).

Извѣстно, что основаніе дисциплины есть—чинопочитаніе. Слѣдовательно воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ соблюденіи предписанныхъ военными законами правилъ, въ сохраненіи во ввѣренной командѣ совершеннаго порядка и добросовѣстнаго исполненія обязанностей службы, въ точномъ исполненіи приказаній, безъ всякаго произвольнаго ихъ измѣненія, и въ неоставленіи, по слабости надзора или пристрастію, проступковъ или упущеній по службѣ безъ взысканія.

Всякій военный долженъ въ дѣлахъ, касающихся службы и охраненія дисциплины, безпрекословно повиноваться начальнику: одинъ начальникъ, за исключеніемъ случаевъ, въ военныхъ законахъ именно означенныхъ, отвѣтствуетъ за послѣдствія своего приказанія.

Всякій военный обязанъ оказывать начальнику и старшимъ въ чинѣ должное уваженіе, какъ на службѣ, такъ и внѣ службы.

(14 Сентября № 266).

— Введеніе въ дѣйствіе Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

(11 Декабря № 377).

— Разрѣшеніе, въ видѣ временнаго изъятія изъ общихъ правилъ, нижнимъ чинамъ, которые, вступивъ въ первый или второй браки, до изданія упомянутыхъ правилъ, овдовѣли и имѣютъ отъ этихъ браковъ малолѣтнихъ дѣтей, остающихся безъ всякаго призрѣнія, вступать во второй или третій бракъ, хотя бы вдовцы эти и не выслужили установленныхъ сроковъ: унтеръ-офицеры — 5 лѣтъ въ этомъ званіи, а рядовые—опредѣленнаго числа лѣтъ для увольненія въ безсрочный отпускъ.

(15 Марта 1767. № 13).

— Введеніе въ дѣйствіе въ войскахъ гласнаго и устнаго судопроизводства.

(29 Іюня № 235).

— Введеніе въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 25-го Іюня Положенія объ устройствѣ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ. При чемъ, въ видахъ предоставленія нижнимъ чинамъ, увольняемымъ изъ войскъ, вящихъ средствъ къ ихъ устройству, Государю Императору благоугодно было установить выдачу имъ денежныхъ пособій изъ казны и опредѣлить мѣры къ призрѣнію ихъ, въ случаѣ болѣзни и невозможности пріобрѣтать пропитаніе собственнымъ трудомъ.

(Іюля 5 1867. № 214).

Въ Указѣ Правительствующему Сенату, въ 25-й день Іюня данномъ, между прочимъ выражено:

«При устроеніи, на правильныхъ и прочныхъ основаніяхъ быта, сельскаго населенія въ Государствѣ, мы обратили предпочтительное вниманіе Наше, и на положеніе тѣхъ членовъ сего населенія, которые, проведя значительную часть своей жизни на службѣ въ рядахъ войскъ Нашихъ, увольняются въ безсрочный отпускъ и отставку.

«Усматривая, что съ устройствомъ нынѣ всего сельскаго населенія на равноправныхъ началахъ и съ постепеннымъ сокращеніемъ сроковъ дѣйствительной службы, устранились преграды къ возвращенію увольняемыхъ нижнихъ чиновъ въ первобытное состояніе, и признавая, что вступленіе ихъ вновь въ сельскія и городскія общества, съ правами членовъ оныхъ, послужитъ вѣрнѣйшимъ способомъ къ обезпеченію ихъ быта, Мы повелѣли: для устройства увольняемыхъ нижнихъ чиновъ принять за основаніе, что солдатъ съ поступленіемъ на службу не долженъ утрачивать прежнія свои гражданскія права въ обществѣ, а по увольненіи изъ войскъ, возвращаясь въ первобытное свое положеніе, вступаетъ вновь въ пользованіе означенными правами, съ тѣми сверхъ того преимуществами, на которыя онъ пріобрѣлъ право выслугою установленнаго срока».

Кромѣ приведенной Монаршей милости, безсрочно-отпускные и отставные нижніе чины, какъ вновь приписавшіеся къ обществамъ, такъ и возвращающіеся въ тѣ общества, въ коихъ числятся по ревизіи, освобождаются, по силѣ закона, отъ платежа подушной подати и сбора на земскія повинно-

сти, раскладываемаго по душамъ, хотя бы они и не были исключены изъ ревизскихъ сказокъ.

Безсрочно-отпускные и отставные нижніе чины, возвращающіеся въ тѣ города, изъ коихъ они поступили на службу, если города сіи снабжены 2-хъ верстною пропорціею выгона, имѣютъ право на безплатный отводъ имъ, въ городской чертѣ, а когда въ ней нѣтъ свободныхъ мѣстъ, то на выгонѣ, участковъ подъ постройку домовъ и для заведенія огородовъ. Въ городахъ же, которые не надѣлены полною пропорціею выгона, означенные участки отводятся не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ дѣлъ, по представленіямъ губернскаго начальства.

Если на полученіе въ городѣ участковъ земли будетъ изъявлено желаніе нѣсколькими нижними чинами, и не будетъ возможности всѣхъ удовлетворить, то преимущество представляется раненымъ на войнѣ, а за ними—отставнымъ передъ безсрочно-отпускными.

Нижніе чины, изъ какого бы сословія на службу ни поступили, при водвореніи своемъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, получаютъ единовременное пособіе, размѣръ коего опредѣляется ежегодно.

Нижнимъ чинамъ, признаннымъ неспособными къ личному труду и неимѣющимъ собственныхъ средствъ къ жизни, ни родственниковъ которые бы могли принять ихъ на свое иждивеніе, назначается отъ казны, пожизненно, на ихъ содержаніе, по 3 руб. въ мѣсяцъ каждому; тѣ же изъ сихъ чле-

новъ, которые будутъ признаны требующими посторонняго за ними ухода, размѣщаются по богадѣльнямъ и благотворительнымъ заведеніямъ, съ платою за нихъ тѣхъ же 3 руб. въ мѣсяцъ.

— Введеніе въ дѣйствіе въ войскахъ Высочайше утвержденной инструкціи, для спеціальнаго образованія строевыхъ и нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

(20 Іюня 1877. № 262).

— Замѣна сапоговъ гвардейскихъ, армейскихъ и кавказскихъ, съ голенищами въ 10, 9 и 16½ вершковъ, въ гвардіи—13, а въ арміи—12 вершковыми и введеніе въ арміи постоянной носки шароваръ въ сапогахъ.

(14 Декабря № 407).

Введеніе въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ.

(6 Мая 1868. № 284).

— Сокращеніе на два года срока выслуги къ безсрочному отпуску, т. е. поступившіе на службу по наборамъ послѣ 8 Сентября 1859 г. имѣютъ право на безсрочный отпускъ по выслугѣ *десяти* лѣтъ, поступившіе же до означеннаго времени—по выслугѣ *тринадцати* лѣтъ.

— Введеніемъ въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, Высочайше утвержденнаго 18 Іюня Положенія о замѣнѣ обязательной военной службы денежнымъ выкупомъ и частнымъ наймомъ охотниковъ, и о военныхъ замѣстителяхъ.

(2 Августа № 259).

Мѣра эта вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что существовавшій порядокъ рекрутской замѣны, посредствомъ частнаго найма охотниковъ, невполнѣ удовлетворялъ нуждамъ сословій, отбывающихъ рекрутскую повинность, и между тѣмъ нерѣдко имѣлъ послѣдствіемъ поступленія въ ряды войскъ лицъ, несоотвѣтствующихъ званію воина.

Въ силу этого обстоятельства Правительство приняло на себя замѣну лицъ, желающихъ посредствомъ взноса опредѣленной выкупной суммы освободиться отъ обязательной военной службы. Для удовлетворенія потребности замѣны, открытъ Правительствомъ пріемъ замѣстителей, по установленнымъ правиламъ, съ назначеніемъ за добровольную ихъ службу особаго денежнаго вознагражденія.

На службу замѣстителями принимаются въ армію и во флотъ какъ частныя лица, въ военной службѣ не бывшія, такъ и нижніе чины, состоявшіе или состоящіе еще на службѣ.

Нижніе чины, служившіе или служащіе въ сухопутныхъ войскахъ или во флотѣ, принимаются или оставляются на службѣ замѣстителями, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Если окончили свой обязательный срокъ службы, или предназначены къ зачисленію въ резервъ флота, или пріобрѣли право на безсрочный отпускъ, или хоть и не пріобрѣли еще этого права на безсрочный отпускъ, но провели уже на службѣ 10 лѣтъ и находятся во временномъ отпуску; 2) если по состоянію здоровья, признаются годными для дальнѣйшей службы; 3) если одобри-

тельнаго поведенія и не состояли въ разрядѣ штрафованныхъ или состояли, но понесенные ими штрафы прощены и 4) должны быть не старѣе 41 года отъ роду, если желаютъ нести дѣйствительную службу, и не старѣе 46 лѣтъ, если желаютъ поступить въ резервъ.

Нижніе чины, не окончившіе своей обязательной службы и поступившіе въ военные замѣстители, обязываются, по окончаніи наемной службы, дослуживать въ резервѣ то число лѣтъ, какое, при поступленіи на наемную службу, оставалось къ выслугѣ полнаго общаго обязательнаго срока службы.

Нижніе чины арміи и флота, имѣющіе право поступать замѣстителями, принимаются и оставляются каждый разъ на 5 лѣтней срокъ дѣйствительной службы, или же на 10 лѣтъ, но при условіи 5 лѣтъ службы дѣйствительной и 5 лѣтъ въ резервѣ. Непосредственно же на службу въ резервъ арміи или флота, пріемъ означенныхъ нижнихъ чиновъ допускается только тогда, когда на то послѣдуетъ особое разрѣшеніе со стороны Министерствъ Военнаго и Морскаго, по принадлежности.

Принимающіе на себя добровольно срочную службу замѣстителями, даютъ въ томъ письменное обязательство, и несутъ службу на равнѣ съ поступающими по набору.

Поступившіе въ военную или морскую службу или оставшіеся на службѣ замѣстителями, получаютъ за свою добровольную службу особое отъ Правительства денежное вознагражденіе.

Размѣръ денежнаго вознагражденія опредѣляется на каждый годъ заблаговременно по соглашенію Министерствъ: Военнаго, Морскаго, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ.

— Введеніе въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 8 Марта положенія о поступленіи въ военную службу нижними чинами, по собственному желанію, о производствѣ вообще нижнихъ чиновъ въ военные офицеры, въ пѣхотныя и кавалерійскія войска и въ первый классный чинъ, и о преимуществахъ нижнивъ чиновъ, выполнившихъ условія для проивводства въ офицерскій чинъ или классный, въ ожиданіи производства.

(24 Марта 1869. № 113).

Право на производство въ военные офицеры, въ пѣхоту и кавалерію, предоставляется строевымъ нижнимъ чинамъ унтеръ-офицерскаго званія изъ вольноопредѣляющихся, равно и изъ служащихъ на обязательномъ срокѣ, какъ состоящимъ въ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ частяхъ, такъ и числящимися въ спеціальныхъ родахъ войскъ.

Примѣчаніе. Служащіе на обязательномъ срокѣ остроевые нижніе чины унтеръ-офицерскаго званія если они находились нѣкоторое время въ званіяхъ нестроевыхъ, производятся въ военные офицеры не иначе, какъ по прослуженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ передъ производствомъ въ дѣйствительной строевой службѣ.

Правомъ на производство въ первый классный чинъ пользуются нестроевые нижніе чины унтеръ-офицерскихъ званій, какъ изъ вольноопредѣляю-

щихся, такъ и изъ служащихъ на обязательномъ срокѣ, въ какихъ бы мѣстахъ и управленіяхъ Военно-Сухопутнаго вѣдомства они не состояли.

Ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть удостоиваемы производства въ военные офицеры и первый классный чинъ нижніе чины, тѣлесно наказанные во время прохожденія военной службы. Это правило распространяется и на тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые, бывъ присуждены за преступленія и проступки къ тѣлеснымъ наказаніямъ, освобождены отъ нихъ по болѣзни или Всемилостивѣйшимъ манифестамъ.

Нижніе чины унтеръ-офицерскихъ званій, служащіе на обязательномъ срокѣ, должны прослужить, до производства въ военные офицеры или первый классный чинъ, не менѣе 10 лѣтъ въ нижнемъ званіи вообще и не менѣе 6 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Строевые же нижніе чины, передъ производствомъ въ военные офицеры, обязаны при томъ пробыть не менѣе года въ одномъ изъ старшихъ унтер-офицерскихъ званій: фельдфебеля, старшаго или младшаго вахмистра, полувзводнаго (капральнаго) унтеръ-офицера и взводнаго фейрверкера.

Нижніе чины унтеръ-офицерскихъ званій, служащіе на обязательномъ срокѣ, допускаются, по удостоенію командировъ частей, въ юнкерскія училища, какъ въ старшій, такъ и въ младшій классъ. До поступленія въ училища, эти нижніе чины должны прослужить: поступающіе въ младшій классъ—не менѣе 8 лѣтъ вообще и 4 года въ ун-

теръ-офицерскомъ званіи, а поступающіе въ старшій—классъ—не менѣе 9 лѣтъ общей службы и 5 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи. При этомъ тѣ и другіе должны пробыть не менѣе года въ одномъ изъ старшихъ унтеръ-офицерскихъ званій.

Нижніе чины, имѣющіе право по выслугѣ лѣтъ на поступленіе въ юнкерскія училища, должны выдержать по установленной программѣ вступительный экзаменъ.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, поступившимъ въ юнкерскія училища, для продолженія курса наукъ, присваивается названіе *юнкеровъ*.

— Распространеніе преимуществъ на военныхъ замѣстителей, какъ добровольно продолжающихъ службу, награждать шеврономъ изъ узкаго серебрянаго галуна, а отказавшихся отъ отставки—таковымъ же шеврономъ изъ золотого галуна и серебряною медалью съ надписью «за усердіе» на Анненской лентѣ.

(26 Августа 1870 г. № 248).

— Въ видахъ важнаго значенія старшихъ унтеръ-офицеровъ въ войскахъ, какъ непосредственныхъ руководителей прочихъ нижнихъ чиновъ, и изъ вниманія, что званіе унтеръ-офицера достигается основательнымъ изученіемъ сопряженныхъ съ нимъ обязанностей и служебною опытностію, при отличной нравственности, увеличеніе жалованья всѣмъ унтеръ-офицерамъ, младшимъ вахмистрамъ, старшимъ фейрверкерамъ, полковымъ, отдѣльныхъ баталіоновъ и ротнымъ каптенармусамъ, эскадроннымъ квартермейстерамъ, ди-

визіоннымъ горнистамъ, штабъ трубачамъ, и старшимъ обознымъ унтеръ-офицерамъ: въ войскахъ гвардейскихъ, учебныхъ, во всѣхъ частяхъ полевой, крѣпостной и мѣстной артиллеріи и во всѣхъ инженерныхъ войскахъ, а также въ Лейбъ-Гвардіи Стрѣлковомъ баталіонѣ Императорской Фамиліи и въ Лейбъ-Гвардіи Кирасирскомъ Ея Величества полку до 24 руб. основнаго и до 36 руб. усиленнаго окладовъ. Во всѣхъ же прочихъ войскахъ — 18 руб. основнаго и 27 руб. усиленнаго окладовъ въ годъ.

(1 Августа 1870. № 220).

— Введеніе въ дѣйствіе въ видѣ опыта временнаго положенія о призывѣ отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу.

(25 Сентября 1870. № 288).

— Въ видахъ большаго отличія унтеръ-офицеровъ во внѣ-служебномъ ихъ положеніи и вящаго выраженія къ нимъ довѣрія начальства, разрѣшено всѣмъ вообще унтеръ-офицерамъ ѣздить въ экипажахъ въ городѣ, такъ же какъ и загородомъ, и посѣщать театры.

(Цир. Нач. Глав. Штаб. 10 Декабря № 2599).

— Обнародованіе Высочайшаго повелѣнія 4 Ноября о распространеніи воинской повинности на всѣ вообще сословія Государства.

(17 Ноября 1870. № 347).

О новыхъ основаніяхъ военной повинности.

— Событія послѣднихъ лѣтъ, измѣнившія во многомъ политическое положеніе Европы и сопровождавшіяся чрезвычайнымъ развитіемъ въ ней вооруженныхъ силъ, указали на необходимость преобразованія и нашей военной системы.

1-го Ноября 1870 года состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

«Государь Императоръ, по докладѣ Его Величеству настоящаго положенія работъ Коммиссіи, на которую возложенъ пересмотръ постановленій о личной военной повинности, Высочайше соизволилъ принять во вниманіе:

1) что для полнаго обезпеченія военной защиты государства, безъ обременительнаго для его финансовъ увеличенія наличнаго состава арміи, необходимо постепенное образованіе резервныхъ или запасныхъ войскъ, призываемыхъ на службу только въ военное время.

2) что устройство запасныхъ войскъ должно быть основано на тѣхъ же самыхъ коренныхъ началахъ, на которыхъ основано общее устройство арміи, и что необходимость соблюденія этого условія вполнѣ подтверждается современными военными событіями.

3) что сокращеніе сроковъ обязательной службы облегчаетъ исполненіе личной военной повинно-

сти и должно быть сохраняемо въ виду при составленіи новыхъ объ этой повинности законоположеній.

4) что сокращеніе служебныхъ сроковъ, безъ ослабленія военныхъ силъ государства въ общемъ составѣ наличныхъ и запасныхъ частей арміи, зависитъ отъ числительности той доли населенія, которая ежегодно призывается или впредь будетъ призываться на службу;

5) что всѣ нынѣ дѣйствующія постановленія о порядкѣ поступленія на военную службу, несмотря на допущенныя въ нихъ различія по правамъ состояній или правамъ сословнымъ, имѣютъ одинъ общій источникъ, заключающійся въ понятіи о всеобщей и священной обязанности защиты отечества;

6) что для обозначенія надлежащаго устройства запасныхъ войскъ необходимо установленіе болѣе постояннаго и болѣе правильнаго соотношенія между числомъ новобранцевъ, вступающихъ въ армію на основаніи начала обязательнаго призыва, и числомъ лицъ, которыя ежегодно поступаютъ въ военную службу на другихъ основаніяхъ, и которыя, по правамъ состояній и по степени образованія, преимущественно занимаютъ офицерскія должности.

Вслѣдствіе сего Государю Императору благоугодно было 4-го сего Ноября, повелѣть Военному Министру: составить и представить на Высочайшее утвержденіе, установленнымъ порядкомъ, предположенія объ устройствѣ запасныхъ частей арміи и о распространеніи прямого участія въ военной по-

винности, при соблюденіи нѣкоторыхъ особыхъ условій, на всѣ вообще сословія въ государствѣ».

Для исполненія Высочайшей воли, учреждены двѣ Коммиссіи, подъ главнымъ руководствомъ Военнаго Министра и подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ Начальника Главнаго Штаба.

Одна—для разработки, на новыхъ, указанныхъ Его Величествомъ основаніяхъ, *Положенія о личной военной повинности* въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ.

Другая — для составленія предварительно уже одобренныхъ Его Величествомъ началъ, *Положенія о запасныхъ и резервныхъ войскахъ и о государственномъ ополченіи*.

— Высочайше утвержъенную 8 іюня 1867 года инструкцію, для спеціальнаго образованія нижнихъ чиновъ, примѣнить и къ мѣстнымъ войскамъ — назначивъ во всѣхъ губернскихъ баталіонахъ, мѣстныхъ, уѣздныхъ, крѣпостныхъ, конвойныхъ, этапныхъ и постовыхъ командахъ по 5 коп. въ годъ на человѣка. А для учебныхъ командъ во всѣхъ губернскихъ баталіонахъ по 50 к. въ годъ на каждаго обучающагося.

Офицерамъ, завѣдывающимъ учебными командами — столовыхъ денегъ по 108 руб. въ годъ каждому.

(30 Января 1771. № 31).

Вотъ тѣ законоположенія и правила, которыя какъ сказано, относятся прямо и лично до солдатъ. Разумѣется немнѣе важны для солдата и всѣ усовершенствованія по управленію арміей, по образованію офицеровъ, словомъ всѣ измѣненія по военному вѣдомству. Но перечислять ихъ—намъ нѣтъ возможности, а солдату — нѣтъ надобности: въ нихъ заключается высшій разумъ солдатскаго, и очевиднаго для насъ дѣла.

Всѣ эти преобразованія совершились съ быстрою постепенностію и наконецъ основательно поставили армію нашу на ряду съ лучшими арміями Европы.

Если чего либо и недостаетъ намъ, какъ напримѣръ всеобщей грамотности, то это не наша вина: *у насъ* сдѣлано и дѣлается все, что можно. — Остается закрѣплять созданное, продолжать начатое. Теперь честному, разумному и доброму человѣку во всей арміи отрыта широкая дорога къ почести и заслугѣ. Служи честно, покорно, учись, просвѣщайся и—иди впередъ. Не только нѣтъ тебѣ никакихъ препятствій, а есть еще всякая помощь и всякое споспѣшествованіе. Честное имя солдата становится уже не только почтеннымъ, но и почетнымъ.

*

СОЛДАТСКОЕ «СПАСИБО».

Ясно и очевидно, что нынѣшнее положеніе солдата и весь, бытъ солдатскій такъ улучшились, что ихъ и сравнивать нельзя съ прежнимъ нашимъ бытомъ и положеніемъ. Одежда, пища, вооруженіе, обученіе—измѣнены въ основаніи, и вѣнецъ этого усовершенствованія — **неприкосновенность** честнаго солдата и общее **просвѣщеніе** войска. Это дѣло народное, великое...

Русское **«Спасибо»** — **«Спаси тебя Богъ»** —слышится изъ конца въ конецъ широкой земли нашей: шепчется оно въ бѣдныхъ избахъ устами матерей, женъ, отцовъ вашихъ. Трепещетъ оно на устахъ молящагося въ храмахъ народа. Мать учитъ ребенка лепетать его въ ежедневной молитвѣ своей... Оно *дошло* до Бога.

А мы должны оказать на дѣлѣ наше душевное **спасибо**, нашу горячую благодарность великодушному Царю, обратившему на насъ свое отеческое вниманіе, и попечительному начальству, такъ мудро и благодушно выполняющему царскую волю.

Мы должны оказать эту благодарность всей службой нашей—въ мирѣ и въ бою.

Честно, усердно и съ дѣтскимъ повиновенiемъ должны мы нести нашу почетную службу и стараться о своемъ образованiи и о своемъ нравственномъ улучшенiи. Это забота мирнаго времени. Учителя и наставники наши — наше начальство: оно указываетъ и научаетъ насъ обязанностямъ солдата, оно просвѣщаетъ насъ.

Оно-же поведетъ насъ и въ честный бой; а примѣры мужества и храбрости... Они передъ вами:

Въ свѣжей памяти всего народа, какъ въ сказочной молвѣ, встаетъ богатыремъ беззавѣтнымъ нашъ братъ—старый Николаевскiй солдатъ...

Старичковъ, разбитый, израненный, сохраняетъ какъ святыню у своего сердца изорванное полковое знамя... **Нейшлотскаго полка** солдатикъ, **часовой**, печется у своей горящей на пожарѣ будки, и на крикъ народа и приказанiе командира—спасайся! отвѣчаетъ: «**безъ ефрейтора не сойду!**» А по командѣ привезеннаго ефрейтора: впередъ маршъ! падаетъ полумертвый... Цѣлый **полкъ Тобольскiй**, разстрѣлявшiй патроны, окруженный десяткомъ тысячъ турокъ, стоитъ съ ружьемъ на руку, какъ ежъ въ кругу брешущихъ псовъ, и пробивается сквозь нихъ на проломъ. **Сѣвская рота** безоглядно кидается на тысячи ножей Зуавовъ и ложатся въ лоскъ, прокладывая собой славную дорогу братьямъ... Безпримѣрные **Севастопольцы**, ни разу не дрогнувшiе подъ дож-

демъ огня и желѣза... **Сотня казаковъ** отбивается отъ сонма азіатовъ въ Туркестанѣ и обращаетъ ихъ въ бѣгство... Встаютъ они, какъ сказочные герои — и надъ всѣми ими храбрый изъ храбрыхъ всего свѣта—**Кавказецъ** съ горящимъ фитилемъ въ рукахъ, взрывается съ врагами подъ облака и гибнетъ **во славу Русскаго оружія...**

Вотъ вамъ примѣры благодарности Царю и Отечеству. Подвиги братьевъ нашихъ, вашихъ отцовъ—наша общая честь и гордость. Подражайте имъ, идите по слѣдамъ ихъ: а когда приведетъ Богъ *къ дѣлу*—точно такъ же выразите и такъ же грянъте наше громкое на всю Русь **солдатское «спасибо!»**

Книжки,

ДЛЯ ПОЛКОВЫХЪ ШКОЛЪ И ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Карманный календарь на 1872 годъ.................... 10 к.
Лѣтопись событій отечествен. церковныхъ и міровыхъ. 25 —
Букварь. Звуковая метода (печатается)................ 10 —
Прописи, съ объясненіемъ правилъ обученія письму Изд. 3.. 10 —
Начальное наставленіе въ Православной Вѣрѣ. Протоіерея *Д. Соколова.* Съ 19 картинами.......................... 20 —
Ариѳметическія задачи................................ 10 —
Геометрическія приложенія къ ариѳметики.............. 10 —
Начальная книжка. Первыя понятія о міровѣдѣніи. Съ 40 рисунками и чертежами........................ 15 —
Земля, вода и воздухъ................................ 20 —
Сборникъ. Въ прозѣ и стихахъ. Часть I-я............. 30 —
Сборникъ. Историческій. Часть II-я................... 30 —
Словарь иностр. словъ, употребляемыхъ въ войскахъ...... 10 —
Солдатскій бытъ прежде и теперь. Объясненіе преобразованій, совершенныхъ по нынѣ Изд. 3-е................ 15 —
Крестьянскій бытъ Изд. 2-е........................... 10 —
Солдатскія замѣтки. Изд. 2-е. Объясненіе нравственныхъ обязанностей солдата.............................. 20 —
Совѣты учителямъ новобранцевъ. Кн. I-я. Изд 2-е Сущность обязанностей учителя и дядьки, и Кн. II-я. Скорострѣльная винтовка Крынка; по 10 к. каждая............ 20 —
Слово о Полку Игоревѣ. Переводъ древне-славянской историческ. пѣсни. Съ 4-мя картинками..................... 10 —
Сказаніе о Царь-градѣ. Переводъ древней славянск. рукописи. 10 —
Сказаніе о В. К. Ольгѣ. Въ стихахъ................... 10 —
Нарва и Полтава. Исторія учрежденія регулярной арміи въ Россіи; первыя ея неудачи и первыя побѣды............ 15 —
Отечественная война 1812 года. Печатается новымъ изданіемъ 20 —
Москва ея святыни и древности, съ рисунками............ 40 —
Петръ Великій преобразователь Россіи.................. 20 —
Суворовъ Его жизнь и побѣды........................... 25 —
Наши Богатыри. Кн. 1-я. Подвиги войскъ на Дунаѣ...... 25 —
Наши Богатыри. Кн. 2-я. Подвиги въ Крымскую войну.... 20 —
Волга и Поволжье: Опис. 9-ти приволжск. губер. съ картою. 30 —
Ока, Сура и Кама: Описаніе 11-ти губерній............ 25 —
Сибирь. Восточная и Западная......................... 25 —
съ картою.. 30 —
Пожары. Причины ихъ и способы предохраненія отъ огня.. 10 —
Голода и неурожаи въ Россіи, съ 1024 года............ 10 —
О почвѣ. Разпознованіе почвы.......................... 6 —

Краткая исторія Россіи, для народнаго и солдатскаго чтенія. Съ хронологической таблицей и 4-мя историческими картами. *Аркадія Столыпина* .... 45 к.
Карты и таблицы отдѣльно .... 20 —
Полевая Фортификація съ чертежами .... 20 —
Законы и правила наказаній и взысканій на службѣ .... 15 —
Сборная книжка. Мелкія статьи .... 10 —
Походъ куда велятъ. Солдатская игра. Книжка и картина. 20 —
Доля. (Сказка-быль) .... 5 —
Кавалеръ Иванъ Сысоевъ. Разсказъ *С. Максимова* .... 15 —
Въ плѣну у Горцевъ. Разсказъ .... 6 —
Изъ прошлаго и настоящаго .... 10 —
Путешествіе по Св. Мѣстамъ 12 чтеній. 3 книжки .... 45 —
Очерки Кавказской войны .... 20 —

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

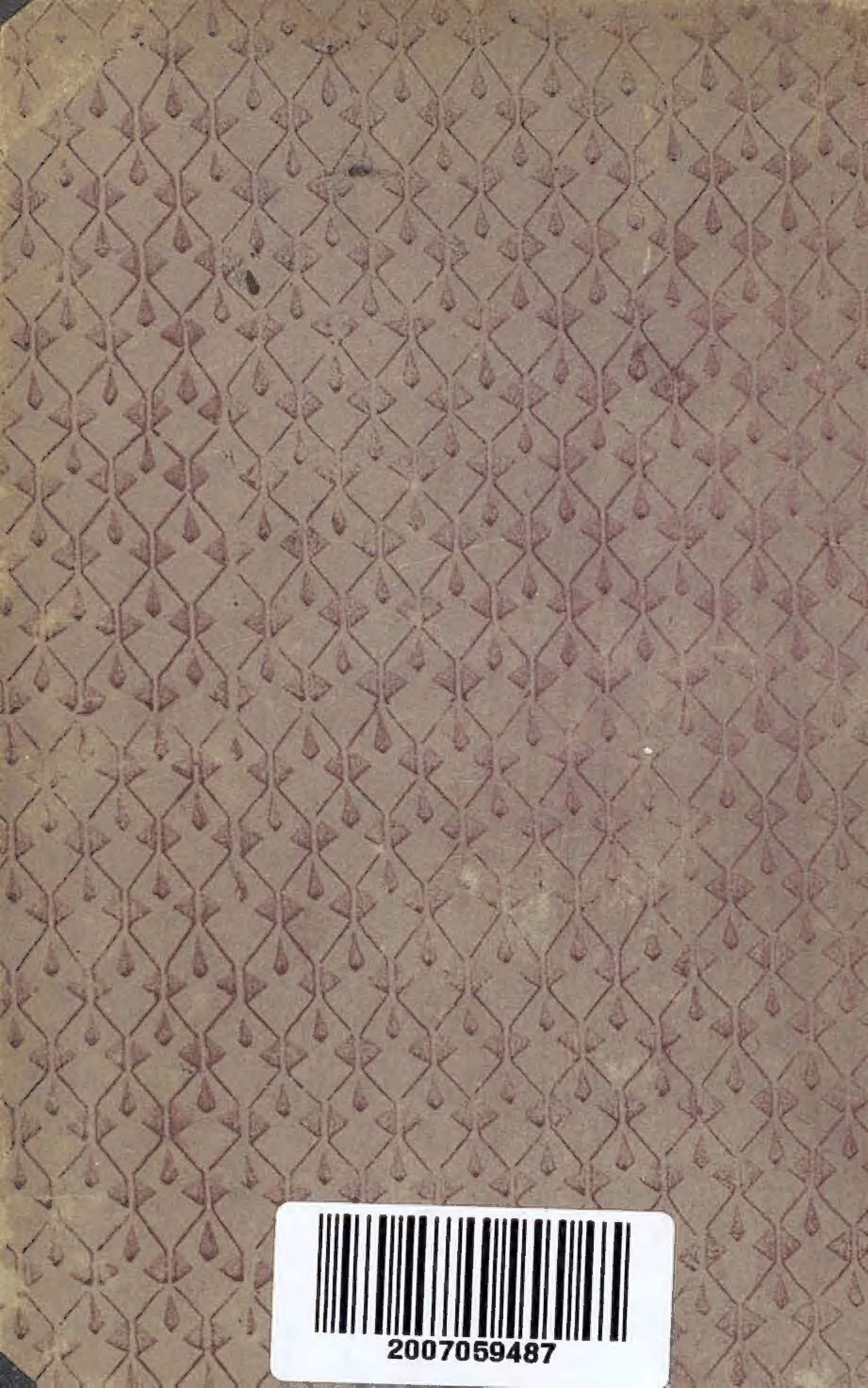
А. Погоскаго.

Кн. 1. Дѣдушка Назарычъ. Злодѣй и Петька .... 25 к.
— 2. Сибердетка, полковая собака .... 20 —
— 3. Господинъ Колодникъ .... 20 —
— 4. Суходольщина. Слѣпая память .... 20 —
— 5. Подосиновики .... 20 —
— 6. Солдатское пиво. Чертовщина. Путешествіе на луну. 20 —
— 7. Мірскія дѣтки. Мудрый судья. Первый винокуръ. Птичій даръ .... 20 —
— 8. Отставное счастье. Изъ старыхъ записокъ. Два кольца .... 20 —
— 9. Анчутка безпятый (2-е изд.) .... 20 —
— 10. Посестра Танька (2-е изд.) .... 25 —
— 11. Старики. Разсказъ .... 15 —
— 12. Сорочьи гнѣзда. (печатается) .... 20 —
— 13. Маіорская дочка .... 25 —
— 14. Музыкантъ .... 25 —
— 15. Неспособный человѣкъ. Повѣсть .... 25 —
Неспособный человѣкъ. Театральное представленіе. 20 —
— 16. Дѣдушка домовой. Народное представленіе въ IV дѣйствіяхъ .... 15 —
— 17. Пестрая кнежка. (Сказки) .... 10 —
— 18. Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ. Разсказъ изъ Крымской войны .... 15 —

На пересылку означенныхъ въ этомъ спискѣ книжекъ прилагается—на каждыя 4 книжки за 1 фунтъ, **по новому** *Почтовому положенію.*

Выписывающіе полное собраніе означенныхъ въ этомъ спискѣ книжекъ высылаютъ **10 руб.** и сверхъ того на пересылку за 12 фунт. по новому Почтовому положенію.

Редакторъ-Издатель **А. Погоскій.**

2007059487